

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

БАБЮК Ирина Анатольевна

**ПОЛИТИКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ
ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ:
ОПЫТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

**Научная специальность 5.5.2. Политические институты, процессы,
технологии**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

Профессор, доктор экономических наук,

кандидат политических наук,

Еремеев Станислав Германович

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ ПОЛИТИКЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И НОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	13
П. 1.1 Становление глобальной цифровой экономики: отличительные характеристики и социально-политические эффекты.....	13
П. 1.2 Переосмысление политики территориального развития в условиях сетевого общества и цифровой экономики	27
ГЛАВА 2. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	37
П. 2.1. Стратегическое планирование и управление территориями в процессе цифровизации государственного и муниципального управления РФ.....	37
П.2.2 Роль креативных и общественных пространств в современных стратегиях территориального развития.....	55
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ КРЕАТИВНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	66
П. 3.1 Опыт стратегического планирования городского развития в Санкт-Петербурге.....	66
П. 3.2. Креативные пространства и индустрии в стратегиях развития Санкт-Петербурга.....	86
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	98
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	103
ПРИЛОЖЕНИЕ №1 СРАВНИТЕЛЬНАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	118

ВВЕДЕНИЕ

Глубокая трансформация экономических, социальных и политических отношений, которую переживает человечество за последнюю четверть века в связи со сверхбыстрым развитием цифровых технологий не могла не затронуть практически все сферы общественной жизни. Параллельно процессу технологического развития (киберреволюции) шел процесс новой глобализации, с одной стороны подпитываемый цифровыми технологиями, а с другой постоянно стимулирующий их появление и развитие. Следствием новой глобализации стали вызовы и угрозы, никогда ранее в столь острой форме перед человечеством не стоявшие. Коммуникативная близость, стирание административных и физических границ привело не только к небывалому росту динамики социальных взаимодействий и элиминации фактора расстояния и пространства, но и к обострению конкуренции за ограниченные материальные и человеческие ресурсы. Конкуренции, в которой ключевыми акторами становятся не только национальные государства, но и транснациональные корпорации, макрорегионы, мегаполисы и т.д. Все это помимо возникновения новых (пандемия COVID 19, кибертерроризм, цифровой разрыв, трансформация структуры занятости и пр.) влечет обострение и «старых» проблем: ухудшение экологической ситуации, сверхбыструю урбанизацию, утрату ясных ценностных ориентиров в обществе и пр.

Особенно остро все эти процессы отразились на управлении практически всеми видами политических, социальных или бизнес организаций. Утрата управляемости и неустойчивость общественных систем ставит и перед управленцами-практиками, и перед научным сообществом внушительный перечень задач, решение которых не может быть отложено на завтра. И для политической элиты, и для простых граждан ощущение уверенности в будущем становится все более редким и дорогим удовольствием, но в тоже время остается одной из определяющих характеристик качества жизни в той или иной стране.

В данном контексте избранная тема исследования представляется актуальной по ряду причин.

Во-первых, недостаточно четко изученным и определенным остается складывающийся сегодня тип экономических отношений и адекватная им система управления государственным сектором экономики, а также новые политико-административные механизмы координации взаимодействий бизнеса и власти в рамках процедур принятия решений, максимизирующих общественное благо.

Одних лишь определений модели современной экономической системы существует на сегодняшний день не один десяток. Помимо ставших уже привычными и даже тривиальными: «экономика знания», «цифровая экономика», «информационная экономика», появилось множество новых. Как точно подметил канадский экономист и социолог Н. Срничек: «На наших глазах термины стремительно множились: гигономика, шеринговая экономика, экономика по требованию (the on-demand economy), новая промышленная революция, экономика тотального надзора (the surveillance economy), экономика мобильных приложений (the app economy), экономика впечатлений и внимания (the attention economy) и т.д.»¹. Отсюда, ситуация с определением ключевых характеристик экономической системы современного общества и их влияния на трансформацию системы политического управления в целом, а также сегмента управления территориальным развитием, в частности, требует существенного прояснения и систематизации.

Во-вторых, можно отметить явный дисбаланс в современных исследованиях стратегий и механизмов территориального развития в пользу экономического подхода. Здесь можно указать на работы таких современных зарубежных авторов

---

¹ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – с.43.

как: Амдам Р.², Буринские М.³, Рудзские В., Медейрос Э.⁴, Новарина Г., Цепф М.⁵, Ратти К., Клодел М.⁶, Сендра П., Сеннет Р.⁷ и ряд других.

Среди отечественных экономистов выделим исследования: Силеверстова В.Е.⁸, Дружинина А.Г., Шувалова В.Е.⁹, Пятковой Н.П.¹⁰¹¹¹², Ходачека В.М., Елсукова М.Ю.¹³, Юшковой Н.Г.¹⁴, Мочановой М.Ю., Петровой Е.В.¹⁵, Урманова Д.В.¹⁶, Диановой В.А.¹⁷, Анисимова И.А.¹⁸.

² Amdam R. Sectoral Versus Territorial Regional Planning and Development in Norway, *European Planning Studies*, vol. 10 №1, 2002 pp. 99-111

³ Burinskiene M., Rudzkiene V. Future insights, scenarios and expert method application in sustainable territorial planning // *Ukio Technologinis ir Ekonominis Vystymas*, vol. 15, №1, 2009, pp. 10-25

⁴ Medeiros E. Spatial Planning, Territorial Development, and Territorial Impact Assessment // *Journal of Planning Literature*, Volume: 346 №2, 2019. pp. 171-182

⁵ Novarina G, Zepf M. Territorial Planning in Europe: New concepts, new experiences, *disP - The Planning Review*, vol. 45, 2009, pp. 18-27

⁶ Ratti C., Claudel M. *The City of Tomorrow: sensors, networks, hackers, and the future of urban life*. Yale University Press, 2016, 248 p.

⁷ Сендра П., Сеннет Р. Проектировать беспорядок: Эксперименты и трансгрессии в городе. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. - 280 с.

⁸ Селиверстов В.Е. Мифы и рифы территориального развития и региональной политики России // *Регион: Экономика и Социология*. 2008. № 2. С. 194-224.

⁹ Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект / под ред. Дружинина А.Г., Шувалова В.Е. Ростов-на-Дону. Изд-во Рост. ун-та. 2004. - 264 с.

¹⁰ Пяткова Н.П. Особенности формирования механизма реализации государственной политики территориального развития // *Экономика. Менеджмент. Инновации*. 2019. № 2 (20). С. 29-33.

¹¹ Свиридова Н.Д., Пяткова Н.П. Основные типы региональной политики территориального развития // *Znanstvena Misel*. 2019. № 37-1 (37). С. 31-34.

¹² Пяткова Н.П. Показатели, учитываемые при разработке политики территориального развития // *Chronos*. 2020. № 7 (44). С. 81-85.

¹³ Социально-экономическая политика и управление территориальным развитием сборник научных статей / Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации, Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Северо-Западная акад. гос. службы"; [под общ. ред. В. М. Ходачека, М. Ю. Елсукова]. Санкт-Петербург, 2006.

¹⁴ Юшкова Н.Г. Территориальное планирование и государственная политика развития региона // *Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета*. Серия: Строительство и архитектура. 2013. № 30 (49). С. 365-387.

¹⁵ Молчанова М.Ю., Петрова Е.В. Бюджетно-налоговое регулирование территориального развития Пермь, 2013. – 230 с.

¹⁶ Урманов Д.В. Формирование механизмов устойчивости региональных социально-экономических систем в условиях поляризованного развития российского пространства. Краснодар, 2013. - 182 с.

¹⁷ Дианова В.А. Концепция комплексного развития городской территории как императив стратегического управления // *Инновации в науке*. 2012. № 8-2. С. 35-38.

¹⁸ Анисимов И.А. Стратегическое планирование устойчивого функционирования локальных территорий как основа инновационного развития практики управления социальными и экономическими системами // *Власть и управление на Востоке России*. 2013. № 2 (63). С. 35-40.

Среди диссертационных исследований, защищенных по данной проблематике выделяются труды следующих авторов: Кулаковой А.Е.¹⁹, Мельниковой Е.Я.²⁰, Шершунова В.А.²¹, Табакаева П.В.²² и др.

В то же время нельзя не отметить, что политологических исследований по данной проблематике на сегодняшний день явно недостаточно. Среди наиболее ярких отметим работы: Вульфович Р.М.²³, Цветковой О.В.^{24,25,26}, Глушакова О.В., Вайсберг Я.А.²⁷, Тугачевой Л.В., Сахаровой С.М.²⁸, Прохорова Д.В., Цлаф В.М.²⁹, Щитинского В.А.³⁰ и ряда других авторов. Количество диссертационных исследований, защищаемых по политологическим специальностям в рамках проблематики стратегического территориального управления и развития также невелико. Общее соотношение политологических работ с пулом экономических исследований по самым приблизительным оценкам представляется как 1 к 10.

---

¹⁹ Кулакова А.Е. Совершенствование инструментария реализации федеральной политики территориального развития дотационных регионов: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05 Тамбов, 2015. - 186 с.

²⁰ Мельникова Е. Я. Социальная политика государства как фактор развития административно-территориальных единиц РФ: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05, 2009.

²¹ Шершунов В. А. Управление инвестиционным и инновационным развитием территории: на примере Костромской области: диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.05. - Москва, 2005.- 325 с.

²² Табакаев П. В. Государственное регулирование территориального развития в условиях трансформации: диссертация... кандидата экономических наук: 08.00.01 Москва, 2007, 134 с

²³ Вульфович Р.М. Проблемы совершенствования системы управления в ходе разработки и реализации стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года // Управленческое консультирование. 2014. № 2 (62). С. 100-107.

²⁴ Цветкова О.В. Система государственного управления как элемент политико-территориальной структуры // Власть. 2014. № 11. С. 101-104.

²⁵ Цветкова О.В. Компаративный анализ моделей территориально - государственного строительства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 2 (28). С. 135-138.

²⁶ Цветкова О.В. Центр и периферия в региональном развитии: теории территориальной политики Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. // Вопросы теории и практики. 2014. № 7-1 (45). С. 189-192.

²⁷ Глушакова О.В., Вайсберг Я.А. О трансформации архитектоники в стратегическую архитектуру системы публичного управления социально-экономическим развитием территории: теоретико-методологические подходы // Непрерывное профессиональное образование и новая экономика. 2018. № 1 (2). С. 104-124.

²⁸ Тугачева Л.В., Сахарова С.М. Стратегические направления государственного управления социально-экономическим развитием территории арктической зоны // Вестник Академии знаний. 2021. № 4 (45). С. 263-270.

²⁹ Прохоров Д.В., Цлаф В.М. Значение взаимодействия органов государственного и муниципального управления с местными сообществами для социокультурного развития территории // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 9-2 (131). С. 328-334.

³⁰ Щитинский В.А. "Стратегия пространственного развития Российской Федерации" - инновация в государственном управлении России // Управленческое консультирование. 2015. № 7 (79). С. 35-44.

Среди этого небольшого числа выделим работы: Резван И.В.³¹, Усягина А.В.³², Овчаренко А.Н.³³ и др.

Такая ситуация не может быть признана адекватной потребностям современной управленческой практики, поскольку методологическая узость исследования проблем современного территориального развития, замыкание на организационно-технологических и эконометрических вопросах и задачах явно мешает комплексному рассмотрению проблемы обеспечения эффективности системы управления территориальным развитием и повышения качества жизни населения. Более того, вызовы, обострившиеся в последние годы (рост глобальной политической конкуренции и дестабилизации, вызванный в том числе беспрецедентным санкционным режимом в отношении РФ, пандемией COVID 19, размыванием ценностных оснований политики, уберизацией и прекарризацией рынка труда и пр.) доказывают необходимость перемещения акцентов именно на внедрение практик про-активного социального и политического управления, разработку комплексных стратегических планов территориального развития, сбалансированных с точки зрения учета как социально-экономической, так и политической и культурной компонент управления.

В связи с вышеизложенным, автор сформулировал следующую цель и задачи диссертационного исследования.

Основная цель работы – выявить и проанализировать основные социальные и политические аспекты трансформации стратегического управления развитием городских территории в условиях современного этапа цифровизации системы единой публичной власти в России, а также определить роль, значение и функции креативных пространств в структуре стратегий цифрового развития городских территорий.

---

³¹ Резван И.В. Современная государственная политика в сфере территориального планирования и развития (на материалах юга России) диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Северо-Кавказская академия государственной службы. Ростов-на-Дону, 2009

³²Усягин А.В. Территориальное управление в политической системе Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. НГУ им Н И Лобачевского. Нижний Новгород, 2006

³³ Овчаренко А.Н. Стратегическое управление в политической деятельности: теоретико-методологические основы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Гуманитарный университет. Екатеринбург. 2007.

Данная цель будет достигнута за счет решения следующих исследовательских задач:

- выявить и проанализировать специфические характеристики современного этапа цифровизации экономики и политики в глобальном и национальном контекстах;

- реконцептуализировать содержание стратегического управления территориальным развитием в условиях цифровых трансформаций;

- определить место, роль, социально-экономические и социально-политические эффекты развития креативных пространств в стратегиях территориального развития мегаполисов;

- выявить специфические характеристики стратегического управления территориальным развитием городов в современной России, в условиях становления новой системы публичной власти;

- проанализировать слабые и сильные стороны стратегического планирования развитием Санкт-Петербурга в 1990-2000ые гг.;

- определить место, роль, социально-экономические и социально-политические эффекты развития креативных пространств в Санкт-Петербурге в 2000ые гг.;

- выработать практические рекомендации по совершенствованию системы стратегического планирования развития городской территории.

Основную гипотезу диссертационного исследования автор формулирует следующим образом: в условиях роста неустойчивости и неопределенности внешней политической и экономической сред, вызванной в том числе цифровизацией всех сфер общественной жизни, стратегический подход к управлению развитием городских территорий, основанный на фундаментальных принципах синергетики и сетевой модели построения коммуникаций между государством и обществом, приобретает критически важное значение. При этом возрастает роль городских креативных и общественных пространств как драйверов социально-экономического развития и повышения гражданской активности горожан.

В соответствии с данной гипотезой, а также указанными выше целями и задачами исследования автор представляет следующие положения, выносимые на защиту.

1. Углубление цифровых трансформаций политических, социальных и экономических отношений ведет к появлению и росту новых вызовов и рисков: цифровому разрыву и неравенству, деформации структуры рынка труда и ослаблению системы социальной защиты, потере контроля за саморазвитием новых технологий (прежде всего искусственным интеллектом), сужению ресурсной базы, девальвации системы ценностей и т.д. Эти новые вызовы и риски являются главными источниками нестабильности современных общественных систем, в том числе систем политико-административного управления как на национальном, так и на наднациональном уровнях.

2. В условиях растущей цифровизации и технологизации политики и социальных отношений меняется роль городов (особенно крупных мегаполисов), которые превращаются в хабы сложнейших по своей архитектуре сетей социальных, экономических и политических коммуникаций.

3. Цифровая сетевизация политического, экономического и социального пространств влечет за собой расширение использования стратегического подхода к планированию развития городских территорий в целом и необходимость разработки новых моделей стратегирования, основанных на принципах синергетического подхода, в частности.

4. Как показывает опыт Санкт-Петербурга, сложность системы стратегического развития городской территории во многом определяется многоаспектностью бренда самого города, включающего помимо прочих важнейшую креативную компоненту.

5. Креативные пространства современных российских городов представляют собой не только точки роста креативного капитала и источник повышения показателей социально-экономического развития в условиях беспрецедентных международных санкций и сокращения инвестиционных возможностей, но также и важный инструмент обеспечения

социально-политической стабильности и коммуникационной устойчивости городов и регионов.

Практическая значимость результатов исследования заключается прежде всего в том, что они могут быть использованы при разработке стратегий регионального и городского развития, для оптимизации выбора стратегических целей и ориентиров, а также инструментария их достижения.

Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе для содержательного наполнения курсов по программе обучения в магистратуре «Публичная политика в современной России».

Структура диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, каждая из которых подразделена на два параграфа, заключения и списка литературы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Бабюк И.А. Инвестиционная политика в условиях экономических санкций (на примере Санкт-Петербурга) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 14(1), с. 68-76, <https://doi.org/10.21638/spbu23.2018.106>³⁴.

Курочкин А.В., Бабюк И.А. Инвестиционная политика в условиях экономики, основанной на знаниях: новые инструменты и ценностные основания // Управленческое консультирование №2, 2018 с. 8-14 DOI 10.22394/1726-1139-2018-2-8-14³⁵;

Курочкин А.В., Бабюк И.А. Гражданское участие в системе проектирования развития современного города: синергетический подход к анализу // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 8. С. 2963-2974³⁶;

---

³⁴ Бабюк И.А. Инвестиционная политика в условиях экономических санкций (на примере Санкт-Петербурга) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 14(1), с. 68-76

³⁵ Курочкин А.В., Бабюк И.А. Инвестиционная политика в условиях экономики, основанной на знаниях: новые инструменты и ценностные основания // Управленческое консультирование №2, 2018 с. 8-14 DOI 10.22394/1726-1139-2018-2-8-14

³⁶ Курочкин А.В., Бабюк И.А. Гражданское участие в системе проектирования развития современного города: синергетический подход к анализу // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 8. С. 2963-2974

Морозова С.С., Бабюк И.А. Развитие креативных пространств как источник роста социального капитала в цифровую эпоху // Креативная экономика. – 2023. – Том 17. – № 2. – С. 527–540³⁷;

Морозова С.С., Будко Д.А., Бабюк И.А. Особенности политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных вызовов и рисков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС – 2023. – Т.19 – № 2 – С. 230-243³⁸;

Курочкин А.В., Дедуль А.Г., Шалев Л.С., Бабюк И.А. Цифровые системы в публичной политике и городском планировании: лоббирование, примеры и рекомендации к дальнейшему применению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2023. - Т. 25. - №3. - С. 647-662. doi: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-647-662³⁹.

Основные выводы, сформулированные в положениях, выносимых на защиту, были апробированы в ходе выступления автора на следующих международных и всероссийских конференциях и семинарах:

IX Международной молодёжной научной конференции «Образ будущего: 2030», Санкт-Петербург, СПбГУ, 20-21 апреля 2018г. (Бабюк И.А. Цифровая экономика и инвестиционная политика: новые инструменты развития регионов // Образ будущего: 2030: Сборник тезисов IX Международной молодёжной научной конференции. — СПб.: Скифия-принт, 2018. —257 с.)⁴⁰;

X Международной молодежной научной конференции «Петербург – город будущего: новая городская политика в России и мире», Санкт-Петербург, СПбГУ, 25-26 апреля 2019г. (Бабюк И.А. Роль Комитета по инвестициям в стратегическом развитии Санкт-Петербурга // Сборник тезисов X Международной молодежной

³⁷ Морозова С.С., Бабюк И.А. Развитие креативных пространств как источник роста социального капитала в цифровую эпоху // Креативная экономика. – 2023. – Том 17. – № 2. – С. 527–540

³⁸ Морозова С.С., Будко Д.А., Бабюк И.А. Особенности политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных вызовов и рисков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС – 2023. – Т.19 – № 2 – С. 230-243

³⁹ Курочкин А.В., Дедуль А.Г., Шалев Л.С., Бабюк И.А. Цифровые системы в публичной политике и городском планировании: лоббирование, примеры и рекомендации к дальнейшему применению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2023. - Т. 25. - №3. - С. 647-662

⁴⁰ Бабюк И.А. Цифровая экономика и инвестиционная политика: новые инструменты развития регионов // Образ будущего: 2030: Сборник тезисов IX Международной молодёжной научной конференции. — СПб.: Скифия-принт, 2018. —257 с.)

научной конференции «Петербург – город будущего: новая городская политика в России и мире». – СПб.: 2020, с. 200-204)⁴¹;

XIV Международной научно-практической конференции «Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства» Дагестан, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет» 21.09—22.09.2022г. (Бабюк И.А. Роль креативных пространств в стратегическом развитии города);

XIII Международной молодёжной научной конференции «Мир в точке структурного перелома: политика в условиях глобальной нестабильности», Санкт-Петербург, СПбГУ, 26.11.2022г. (Бабюк И.А. Креативные кластеры как источник социального капитала в условиях новых глобальных вызовов).

---

⁴¹ Бабюк И.А. Роль Комитета по инвестициям в стратегическом развитии Санкт-Петербурга // Сборник тезисов X Международной молодёжной научной конференции «Петербург – город будущего: новая городская политика в России и мире». – СПб.: 2020, с. 200-204

ГЛАВА 1. КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ ПОЛИТИКЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И НОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

П. 1.1 Становление глобальной цифровой экономики: отличительные характеристики и социально-политические эффекты

Процесс становления цифровой экономики определяется комплексным характером трансформаций, затрагивающих как государство и бизнес в целом, так и отдельных граждан. В общем смысле под ним понимают совокупность социально-экономических и административных реформ, инициированных в процессе массового внедрения и усвоения цифровых технологий⁴², таких как: облачные вычисления, искусственный интеллект, интернет вещей, большие данные, блокчейн технологии и машинное обучение. Указанные технологии обычно объединяются в составе больших технологических платформ, определяемых как «наборы совместимых технологий, продуктов и каналов их распространения, а также экосистем их распространения и использования»⁴³. Платформы действуют прежде всего как «базовая инфраструктура, опосредующая взаимоотношения между разными группами...платформа (1) находится между пользователями и (2) выступает в качестве площадки, на которой они взаимодействуют, что позволяет держателю платформы получать привилегированный доступ к регистрации этого взаимодействия»⁴⁴. Таким образом, они «позиционируют себя как посредники соединяющие между собой различных пользователей: покупателей, рекламодателей, поставщиков услуг и товаров, производителей и даже физические объекты»⁴⁵.

---

⁴² Саханевич Д.Ю Роль цифровизации в развитии социально-экономических систем // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ, №20, 2020. С.63-73

⁴³ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с, С. 11.

⁴⁴ Там же, с. 41-42

⁴⁵ Там же, с. 41-42

Темпы разработки, совершенствования и внедрения новых цифровых технологий, как элементных составляющих платформ возрастают в геометрической прогрессии: «В ближайшие пять лет цифровая трансформация затронет четверть мировой экономики. Ее основная задача – радикально повысить эффективность деятельности компаний, индустрий, стран. Цифровая трансформация меняет традиционные бизнес модели, появляются совершенно новые игроки в устоявшихся областях экономики»⁴⁶. Однако, вопреки ожиданиям многих либерально настроенных политиков и экспертов, государство не только не утрачивает в этом процессе свою роль и функции, но и приобретает новые. Цифровое обновление содержания и технологий государственного управления осуществляется как внутри системы принятия политических и административных решений, так и во вне, в отношениях бизнеса и гражданских ассоциаций.

В первом случае мы имеем дело прежде всего с внедрением системы электронного правительства и элементов электронной демократии.

Во втором, мы сталкиваемся с широким комплексом задач, среди которых следует выделить:

- формирование законодательной базы, адекватной новым экономическим и социальным условиям;
- стимулирование и активное участие в создании технологических платформ в рамках отдельных отраслей;
- установление новых технологических стандартов и контроль за их исполнением;
- инициирование новых образовательных стандартов, предполагающих развитие цифровых компетенций и обучение новым специальностям, наиболее востребованным в условиях цифровой экономики;
- стимулирование развития новых технологий посредством государственного заказа;

---

⁴⁶ Там же, с. 2

- обеспечение равных конкурентных условий для бизнеса на рынке цифровых технологий и услуг;
- обеспечение необходимого уровня кибербезопасности для бизнеса и граждан;
- налоговое стимулирование развития и внедрения компаниями новых цифровых технологий;
- продвижение и правовую защиту национальных технологий на внешних рынках.

Важно отметить, что цифровизация способствует не только повышению эффективности технологий государственного и муниципального управления, она вносит решающий вклад в рост управляемости в целом: «Управляемость как сетевой эффект цифровизации государственного управления основывается как на количестве возможностей для взаимодействия, так и на склонности к общению с гражданами. Она поддерживается процедурой справедливого консенсуса, основанного на возможностях алгоритма блокчейна для институтов взаимности, равенства и автономной организации»⁴⁷.

Необходимо отметить, что несмотря на относительную новизну цифровых трансформаций, многие глобальные проблемы, порождаемые ими, уже обсуждались в концептуальных работах классиков постиндустриализма. В частности Д. Белл уже почти 50 лет назад (1973г.) обращал внимание на обострение в условиях постиндустриализма проблемы согласования интересов и ценностных систем: «[такое согласование – прим. авт.]...должно осуществляться посредством групповых или коммунальных инструментов на конкретные, требующие решений вопросы, в отличие от обезличенной и всеобщей роли рынка, и, таким образом, становится тем видимым центром, к которому могут быть обращены требования. В тесно переплетенном обществе все больше решений приходится принимать с помощью политических мер и с помощью планирования.

---

⁴⁷ Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость. Монография/ под ред. Сморгунова Л.В.- М. Издательство «Аспект Пресс». 2022. – 351 с.

Но, как ни парадоксально, оба эти механизма обостряют социальные противоречия»⁴⁸.

Опережающий рост значения и актуальности использования инструментов цифровой экономики на глобальном уровне за последние 5-7 лет можно проследить по изменению частотности упоминания самого термина «цифровой» в документах ряда авторитетных международных структур, в частности, «Большой двадцатки» (G20). Так, «в коммюнике лидеров по итогам саммита в Анталии в 2015 г. слово «цифровой» использовалось два раза в одном абзаце, посвященном интернет-экономике. В коммюнике лидеров по итогам саммита в Ханчжоу в 2016 г. слово «цифровой» было использовано 12 раз в нескольких параграфах документа. В декларацию лидеров по итогам саммита в Гамбурге в 2017 г. был включен целый раздел «Использование цифровизации», а слово «цифровой» использовалось уже 18 раз»⁴⁹.

Очевидно, что пандемия COVID-19, охватившая мир в 2020г. в разы, а возможно и в десятки раз актуализировала обращение к различным видам цифровых технологий в глобальном масштабе. При этом исключительное значение приобрела интенсификация информационного и технологического обмена между странами и постоянный рост трансграничного сотрудничества в условиях глобальной цифровой экономики, обеспечиваемый такими международными организациями как: Всемирный экономический форум (WEF), Организация экономического сотрудничества и развития (OECD), Транс-Тихоокеанское партнерство (ТТП) и др. Однако роль отдельных государств в этих процессах ничуть не уменьшается. Об этом в частности свидетельствует инициация и развитие множества национальных проектов разработки и внедрения новых цифровых технологий: «Умная промышленность» («smart industry») в Голландии и Швеции, «Индустрия 4.0» в Германии и Австрии, «Альянс для развития индустрии будущего» во Франции, Стратегия развития информационно-коммуникативных

---

⁴⁸ Д. Белл. Грядущее постиндустриальное общество [Электронный документ] URL: <https://topuch.ru/gryadushee-postindustrialenoe/index38.html> (дата обращения: 20.05.2021)

⁴⁹ Го Ш., Дин В., Ланьшина Т. Роль «Группы двадцати» в глобальном управлении цифровой экономикой // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 4. С.169-184.

технологий «Умная Япония», «Промышленные инновации – стратегия 3.0» в Южной Корее, национальная стратегия «Интернет плюс» в Китае и т.д. Несмотря на общность содержания таких программ, все они имеют национальную специфику и отличаются по приоритетным направлениям инновационной политики, темпам внедрения новых технологий и пр. Даже в границах Европейского Союза, где еще в 2015 г. было объявлено о необходимости формирования единого цифрового рынка в рамках общеевропейских стратегий «Цифровая Европа» и «Цифровая повестка для Европы», национальные программы цифровизации развиваются не менее активно, чем макрорегиональные.

Несмотря на прочное закрепление в политической повестке дня и ключевых стратегических документах наиболее развитых в экономическом отношении стран, а также различных надгосударственных структур, цифровая трансформация вызывает далеко не однозначную реакцию как у экспертного сообщества, так и части политического истеблишмента. Оценки научно-технологического развития в цифровую эпоху носят порой диаметрально противоположный характер, актуализируя либо только позитивные, либо, напротив, только негативные черты и последствия цифровой революции. К очевидным протагонистам последней относится, например, известный экономист, разработчик концепта четвертой промышленной революции Клаус Шваб. Описывая положительные сдвиги, которые несет эта революция мировой экономике, он, в частности, отмечает: «Во-первых, четвертая промышленная революция обеспечивает возможность интегрировать неудовлетворенные потребности двух миллиардов человек в глобальную экономику, что стимулирует дополнительный спрос на существующие товары и услуги путем предоставления новых возможностей отдельным людям и сообществам. Во-вторых, четвертая промышленная революция существенно повысит нашу способность справляться с отрицательными внешними эффектами, а также стимулировать потенциальный экономический рост. В-третьих, ... правила конкуренции экономики четвертой промышленной революции отличаются от тех, что были в предыдущих периодах. Чтобы обеспечивать конкурентоспособность, компании и страны должны внедрять

инновации во всех их формах, это означает, что стратегии, преимущественно направленные на снижение затрат, окажутся менее эффективными, чем стратегии, основанные на более инновационных способах предложения продуктов и услуг»⁵⁰.

В отечественной социологии, экономике и политологии становление цифровой экономики часто оценивается также в позитивном ключе, что, прежде всего, связано с опорой большинства российских авторов на западные источники технократического и либерального толка. Особенно отчетливо эта позиция проявляется в сферах анализа развития промышленного производства, городской инфраструктуры, а также качества предоставления государственных и муниципальных услуг. Так, например, Кокорев А.С. отмечает: «Цифровые технологии помогают найти источники повышения эффективности и возможности стремительного конкурентного развития предприятий. В то же время, они требуют изменить существующие модели управления, переформатировать коммуникации, технологии и организационную структуру предприятий на основе новых ценностей, приоритетов и ориентиров, основанных на партнерстве, клиентоориентированности, инновационности и синергии»⁵¹.

Эксперты РАНХиГС Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А. и др., на основании анализа статистических данных и собственного мониторинга напрямую установили корреляцию эффективности национальных систем государственного и муниципального управления с уровнем цифровизации экономики в целом⁵².

Однако, необходимо выявлять и анализировать также и негативные эффекты, которые несет стремительная цифровизация. Тем более, что сегодня в том числе и на Западе появляется достаточное число научных публикаций, посвященных им. Так, например, ярко выраженную антагонистическую позицию по отношению к процессам цифровизации занимает известный американский урбанист

---

⁵⁰ Шваб К. Четвертая промышленная революция. — «Эксмо», 2016

⁵¹ Кокорев А.С. Цифровая экономика: смена ценностей и ориентиров в управлении предприятием // Московский экономический журнал. № 1. 2019. С. 252-259.

⁵² Добролюбова, Е. И. Оценка качества государственного управления: обоснованность, результативность, эффективность : монография / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. Н. Старостина. - Москва : Дело (РАНХиГС), 2021. - 282 с

А. Гринфилд. Он выделил целый комплекс проблем и вызовов, которые влечет за собой цифровизация.

В сфере публичного управления и гражданского участия он отмечает увеличение рисков манипулирования и коммерциализации поля политики: «Сегодня невозможно успешно реализовать демократические ценности на платформе умного города. В цифровых технологиях за всем всегда стоит коммерческий императив. Он предаёт интересы всех людей без исключения, которым должны служить эти технологии».⁵³

В сфере развития городской инфраструктуры и безопасности в качестве основного риска он отмечает установление тотального контроля за личностью и утрату свободы частной жизни: «сегодня эти потоки при желании можно отследить с привязкой ко времени и месту. Можно выявить неожиданные закономерности и корреляции, что, в свою очередь, может подсказать эффективные способы вмешательства тем, кто собирается их контролировать. Все ритмы жизни города видны как на ладони...».⁵⁴

Далее он не безуспешно пытается развеять технократический миф о неизбежности прогресса в сферах принятия коммерческих, административных и политических решений благодаря использованию новых цифровых технологий: «Опыт, пережитый с начала 2016г., как представляется опровергает главный догмат веры техноутопистов, если не большинства детей Просвещения, - идею о том, что увеличение объема информации улучшает качество принимаемых решений. Теперь мы знаем – эмпирически неопровержимо, - что люди, которым предоставлено больше информации, совсем необязательно принимают более мудрые решения»⁵⁵.

Наконец, Гринфилд оценивает цифровизацию, как процесс, ведущий к глобальному антропологическому кризису: «сетевые информационные технологии стали для нас господствующим способом переживания

---

⁵³ Гринфилд А. Урбанист Адам Гринфилд — о том, почему нельзя верить в «умные города» [Электронный ресурс] <https://strelkamag.com/ru/article/esli-goroda-stanut-umnymi-nasha-zhizn-ne-stanet-luchshe-urbanist-adam-grinfild-o-nenavisti-k-idee-smart-city> (дата обращения: 29.03.2021)

⁵⁴ Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. Издательский дом «Дело», М. 2017. С.12.

⁵⁵ Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. Издательский дом «Дело», М. 2017. С.8.

повседневности. Он в одно и то же время представляет канал, по которому мы получаем наш выбор, зеркало, в котором мы видим свое отражение, и линзу, позволяющую другим видеть нас так, как раньше нельзя было себе представить»⁵⁶. Адам Гринфилд отнюдь не одинок в своих мрачных оценках цифрового, платформенного капитализма. С ним солидарен в частности В. Эубенкс, утверждающий, что ««капитализм платформ» - это радикальная версия неолиберализма, способная дополнительно усилить его основные негативные эффекты (дедемократизация, социально-экономическая поляризация, прекаризация занятости, жилищный кризис)»⁵⁷.

В отличие от А. Гринфилда и других радикальных критиков цифровизации более взвешенная и нейтральная оценка происходящих процессов цифровых трансформаций представлена в работах молодого канадского экономиста и публициста Ника Срничека^{58 59}. Он связывает свой анализ не просто с выявлением и дескрипцией основных характеристик процесса цифровизации и его последствий, а пытается встроить цифровую экономику в общую логику развития капитализма и проанализировать ее в контексте динамики социально-экономических связей и отношений.

Ключевым двигателем развития цифровой экономики стала, по его мнению, погоня за прибылью. Американская экономика смогла сохранить доминирующее положение в послевоенном капиталистическом лагере лишь до начала 1970ых годов, когда столкнулась с жесткой конкуренцией со стороны своих бывших противников Германии и Японии, сумевших умело превратить американские практики менеджмента (тэйлоризм и фордизм) в успешные национальные модели, с акцентом на кастомизации, т.е. «индивидуализации товаров соответственно потребительскому спросу»⁶⁰. Через

---

⁵⁶ Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. Издательский дом «Дело», М. 2017. С. 17.

⁵⁷ Eubanks V. Automating Inequality. How High-Tech Tools Profile, Police and Punish the Poor. St. Martins Press, 2018. Цит. по: 1. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость. Монография/ под ред. Сморгунова Л.В.- М. Издательство «Аспект Пресс». 2022. – 351 с.

⁵⁸ Srnicek N., Williams A. Inventing the future : postcapitalism and a world without work. London: Verso. 2015.

⁵⁹ Srnicek N. Platform Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2016.

⁶⁰ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019, с.19

10-15 лет в ряд конкурентоспособных лидеров на мировой рынок ворвались Корея, Тайвань, Малайзия, Сингапур, а чуть позже и Китай, результатом чего стала «дальнейшая международная конкуренция, избыток производственных мощностей и сдерживание цен»⁶¹. В этой ситуации помочь решить проблемы традиционного капитализма смогла лишь цифровая информационно-технологическая революция.

Таким образом, невиданные ранее темпы роста небольших, высокорискованных компаний IT сектора, наиболее ярким символом которого стала калифорнийская Кремниевая долина, объясняются в логике капиталистического производства достаточно просто. С одной стороны, низкие процентные ставки центральных банков ведущих экономик Запада после кризиса 2008г. неизбежно вели инвесторов к поиску более прибыльных направлений, основным из которых, по-прежнему, оставался IT сектор. Отсюда венчурные инвестиции становятся крайне популярными во всем мире, что безусловно разгоняло темпы развития цифровой экономики в глобальном масштабе.

С другой стороны, постоянной оптимизации (по сути – удешевления) требовала рабочая сила, добившаяся в послевоенной Европе и Америке невиданных ранее экономических прав. Первым ответом на данную проблему со стороны корпораций был вывод отдельных производственных процессов и сервисов на аутсорсинг. Немногим позднее он превратился в перенос производственных мощностей в страны с дешевой, но сравнительно квалифицированной рабочей силой. Однако радикальное решение ей нашлось именно с изобретением и распространением новых информационно-коммуникационных технологий: «занятость становится все более гибкой, оплата труда снижается, а давление со стороны менеджмента растет»⁶².

Срничек отмечает (и здесь он, очевидно, не является первопроходцем), что современное капиталистическое производство было достаточно быстро перестроено на работу с информацией и знаниями, а, значит, оно заместило традиционные для капиталистической экономики ресурсы данными: «развитый

---

⁶¹ Там же, с.19.

⁶² Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С.20.

капитализма двадцать первого столетия постепенно выстроился вокруг задачи извлечения и использования особого типа сырья – данных...данные стали выполнять целый ряд ключевых капиталистических функций: они «учат» алгоритмы правильной работе и обеспечивают их конкурентное преимущество; они позволяют координировать труд работников и нанимать внешних подрядчиков в режиме аутсорсинга; они помогают оптимизировать производственные процессы и делать их более гибкими; с их помощью можно превращать продукты с невысокой торговой наценкой в услуги с высокой наценкой; наконец, сам по себе анализ данных порождает новые данные, и этот в хорошем смысле заколдованный круг повторяется бесконечно»⁶³.

Таким образом, в начале 1990ых гг. объективно сложились исключительные условия для динамичного развития цифровых технологий, которые превратились в «огромный новый сектор, и императив погони за прибылью получил дополнительный импульс благодаря возможностям, открывающимся при переводе людей и бизнеса в онлайн-формат»⁶⁴.

Глобальный характер текущих трансформаций, их чрезвычайная быстрота и изменчивость предопределили необходимость реконцептуализации самого процесса глобализации. Одним из перспективных методологических оснований такой реконцептуализация стала теория новой глобализации, предложенная американским экономистом Ричардом Болдуином в работе «Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация».

Новизну текущей глобализации Р. Болдуин определяет по нескольким ключевым параметрам.

1. Внеотраслевой, значительно более сложный и многоаспектный характер воздействия глобализации на национальные экономики: «влияние новой глобализации становится индивидуальным в том смысле, что выигравшие и проигравшие работники больше не группируются по отраслям и профессиям.

---

⁶³ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С.37-40.

⁶⁴ Там же, с.22.

Глобализация может по разному воздействовать на работников, занятых в одних и тех же отраслях и владеющих одинаковыми навыками»⁶⁵.

2. Слабая предсказуемость течения и низкая степень управляемости глобализационными процессами: «новая глобализация носит ускоренный характер, обусловленный удвоением объема памяти, вычислительной мощности и пропускной способности ИКТ каждые пару лет...Техническая природа ИКТ означает также, что новая глобализация менее подконтрольна национальным правительствам. Законы физики облегчают контроль над потоком товаров в значительно большей степени, чем над потоком идей»⁶⁶.

3. Утрата национальными экономиками их важных в прошлом конкурентных преимуществ: «сегодня пределы конкурентоспособности все чаще определяются фирмами, которые управляют международными производственными сетями»⁶⁷.

4. Благодаря новой глобализации происходит разрыв взаимосвязи благосостояния национального рабочего класса и уровня технологического развития промышленности. Рабочий класс интернационализируется, особенно в границах макрорегионов (Европейский Союз, Северная Америка и т.д.), что «приводит к тому, что немецкие рабочие перестают быть единственными бенефициарами технических достижений Германии. Отныне немецкие компании могут применять усовершенствованную германскую технологию в сочетании, например, с польской рабочей силой»⁶⁸.

5. Существенно меняется форма и результат влияния на экономическое развитие географических факторов и прежде всего фактора расстояния.

6. Как результат всего изложенного выше, новая глобализация меняет не только контекст, но и содержание национальных экономических политик: «В XIX-XX веках, для того чтобы добиться конкурентоспособности на мировом рынке, развивающиеся страны выстраивали всю стоимостную цепочку у себя дома.

---

⁶⁵ Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация. М.: Дело, 2018.с. 26

⁶⁶ Там же, с.27

⁶⁷ Там же, с.27

⁶⁸ Там же, с. 31.

В наше время эти страны, чтобы стать конкурентоспособными, присоединяются к международной производственной кооперации и проводят индустриализацию, получая современные рабочие места в транснациональных цепочках создания стоимости»⁶⁹.

Обращаясь к ключевым достижениям технологического развития и их целевому влиянию на социально-экономические и политические процессы, Болдуин определяет в качестве центральной для новой глобализации задачу сокращения расходов на перемещение рабочей силы, решаемую, по его мнению, с помощью двух технологических инноваций: «Первая эффективная альтернатива перемещению людей через национальные границы – это обмен интеллектуальными услугами...Второй технологической новацией было бы создание эффективной альтернативы перемещению людей, специализирующихся в сфере ручного труда. Это направление называется дистанционной робототехникой и предполагает, что люди управляют роботами, выполняющими заданные операции на расстоянии»⁷⁰. Решение этой задачи предопределяет возможность т.н. третьего разъединения, являющегося фундаментальным основанием новой глобализации.

Подводя итог первого параграфа, обобщим ключевые для развития систем стратегического территориального развития новации, вызовы и риски, которые привнесла цифровая эпоха.

Среди позитивных новаций отметим прежде всего технологические, которые в первую очередь трансформировали структуру и содержание современных социально-политических коммуникаций. Речь идет о технологиях блокчейна, искусственном интеллекте и Big Data. Потенциал их пока полностью еще не раскрыт, а опыт применения в системе стратегического планирования и управления развитием территорий слишком мал. Но уже сегодня можно говорить о принципиальных прорывах, которых удастся достичь с помощью применения этих технологий прежде всего в процессах сбора, обработки и анализа информации, получаемой в рамках реализации проектов умного города и умного региона.

---

⁶⁹ Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация. М.: Дело, 2018. с.30.

⁷⁰ Там же, с.24.

Другой важнейший прорыв связан с реализацией различных форм электронного участия граждан, а также развитием краудплатформ, позволяющих не только собирать сведения о проблемах территорий, но и аккумулировать пул возможных решений, которые были бы наиболее приемлемы для жителей. Подобные платформы государственного или муниципального управления «обеспечивают совместное производство государственной политики с такими базовыми нормами, которые делают участие граждан открытым, справедливым и разумным. Исходя из этого совместное управление будет означать совместные действия по развитию общества, когда сетевой эффект сотрудничества создает ценность участия. В этом случае управление на основе участия тем выше, чем больше возможностей для коммуникаций»⁷¹.

С другой стороны, новые цифровые технологии, как было подробно показано выше, ведут к обострению цифрового разрыва по различным социальным и демографическим группам, который заключается прежде всего в критических различиях обладания доступом к современным средствам передачи и обработки информации. А также (что сегодня более актуально) наличии цифровых компетенций, позволяющих пользоваться таким доступом наиболее эффективно. Благодаря чрезвычайно высоким темпам развития технологий передачи и обработки информации разрыв между «цифровыми лидерами» и «цифровыми аутсайдерами» растет каждый год. Отсюда чрезвычайно важно «развивая техническую составляющую электронного правительства...уделять самое пристальное внимание развитию его гуманитарной составляющей, а именно: совершенствованию коммуникативных навыков, развитию гражданской культуры и гражданских способностей, процессу формирования публичных ценностей и т.д.»⁷².

Также значимыми для стратегического развития территорий рисками и вызовами цифровизации являются: рост возможностей манипулирования поведением людей, за счет внедрения систем тотального информационного

---

⁷¹ Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость. Монография/ под ред. Сморгунова Л.В.- М. Издательство «Аспект Пресс». 2022. С.241.

⁷² Там же. с. 258.

контроля, утрата свободы частной жизни и нивелирование традиционных ценностных оснований политики, испытывающей серьезное давление технологизации и коммерциализации.

II. 1.2 Переосмысление политики территориального развития в условиях сетевого общества и цифровой экономики

Одним из наиболее авторитетных исследователей, предложивших собственную концепцию современного общества, трансформирующегося под влиянием информационно-коммуникационной революции и цифровых технологий, безусловно является знаменитый испанский социолог Мануэль Кастельс. В своей трилогии «Информационная эра: экономика, общество и культура» (Information Age: Economy, Society and Culture), опубликованной в 1996-1998 гг. в трех томах, он представил и концептуально проработал понятие сетевого общества.

Согласно определению М. Кастельса, сетевое общество представляет собой такой тип общества, который состоит «из особых конфигураций глобальных, национальных и локальных сетей в многомерном пространстве социального взаимодействия. Я выдвигаю гипотезу, что относительно стабильные конфигурации, возникающие на пересечении этих сетей, могут обозначать границы, которые позволяют переопределить новое «общество» исходя из понимания, что существующие границы высоковолатильны в силу постоянных изменений в геометрии глобальных сетей, структурирующих общественные практики и организации»⁷³.

Таким образом, в своем определении сетевого общества Кастельс указал на такие его значимые характеристики как: сложноорганизованный, многосоставной характер, подвижность или «волатильность» границ, институциональную изменчивость, детерминируемую прежде всего изменением геометрии структурирующих общество сетей и т.д.

Кратко обозначим основные положения концепции сетевого общества, с акцентом на изменения сфер политики и государственного управления.

---

⁷³ Кастельс М. Информационная эра: экономика, общество и культура. М. изд-во «Высшая школа экономики», 2000. С.64-65.

Это:

- трансформация структуры современного политико-административного управления в сторону сетевизации и подчинения логике пространства потоков;
- существенное обновление содержания властных отношений и в целом поля публичной политики;
- перенастройка моделей реализации гражданского активизма, возникновения новых форм политических движений;
- доминирующей экономической моделью становится информационная, глобальная экономика, в рамках которой сетевое предприятие становится базовой организационной формой экономических агентов, а сама информационная экономика «...основывается на взаимодействии в рамках конкретных проектов, ограниченных во времени, между крупными транснациональными корпорациями, предприятиями средних и малых форм ведения бизнеса и представляет собой территориально распределенную структуру, конфигурация которой постоянно меняется, подстраиваясь под решаемые производственные задачи»⁷⁴;
- в сфере культуры доминирующей формой становится т.н. культура «реальной виртуальности»: «Сетевая виртуальность и социальная реальность смешиваются под воздействием постмодернистского релятивизма, порождая бесчисленное множество аттракторов, к которым тяготеет активность сетевого общества. Дискурс индивидуализации стимулирует отказ социальных субъектов от реальных контактов в пользу виртуального общения. Такова культура «реальной виртуальности», где виртуальный мир оказывается подчас более реальным, чем действительность»⁷⁵.

В работе «Власть коммуникаций» М. Кастельс радикализирует трансформационные процессы в структуре современного государства и общества релевантные условиям новой глобализации: «в условиях многоуровневой глобализации государство становится просто узлом (хотя и важным) определенной

⁷⁴ Серкина Н.Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 2(41). С. 161-169.

⁷⁵ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Cambridge MA. Oxford UK: Blackwell Publishers, 1996. 556 p., цит. по: Серкина Н.Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 2(41). С. 161-169.

сети (политической, институциональной или военной), пересекающейся с другими значимыми сетями в процессе социальной практики. Таким образом, социальная динамика, формирующаяся вокруг сетей, действует в направлении постепенного исчезновения общества как стабильной социальной формы организации»⁷⁶. Данное положение, как показал более чем 20-летний опыт развития сетевого общества, нельзя назвать бесспорным. Ни национальные государства, ни региональные системы управления не растворились в глобальных сетевых конструкциях и не утратили иерархических черт организации политической власти. Тем не менее, современные практики стратегического управления безусловно учитывают сетевой характер коммуникации между различными уровнями и акторами управления и вынуждены соответствовать ему. Вряд ли и сегодня можно опровергнуть тезис Кастельса о том, что важнейшим источником власти становится «контроль точек соединения между различными стратегическими сетями. Обладателей этих позиций я называю переключателями. Примерами таких точек являются соединения между сетями политического лидерства, медиасетями, научными и технологическими сетями, военными сетями и сетями безопасности для отстаивания геополитической стратегии»⁷⁷. А это, в свою очередь, переформатирует в значительной степени содержание, инструментарий и структуру отношений между различными акторами территориального развития.

Кастельс выделил также основные принципы стратегического управления и развития в условиях становления сетевого общества. К ним он, в частности относил плюрализм сетей, разнообразие их функционала, целей и задач. Попытка навязать т.н. «переключателям» сети свою волю неизбежно ведет к утрате эффективности: «Чем более жестко переключатели выражают единственную цель — доминирование, тем с большей силой властные отношения в сетевом обществе подавляют динамизм и инициативу его многообразных источников социальной структуризации и социальных изменений»⁷⁸.

---

⁷⁶ Кастельс М. Информационная эра: экономика, общество и культура. М. изд-во «Высшая школа экономики», 2000. с. 64.

⁷⁷ Там же, с.65.

⁷⁸ Там же, с.70-72.

Другой важный принцип, выделенный им, это принцип саморазвития сетевых структур. Кастельс раскрывает данный принцип на примере функционирования в условиях сетевизации гражданских социальных и политических движений: «Сопротивление программированию и нарушение переключения для защиты альтернативных ценностей и интересов являются формами контр-власти, осуществляемой общественными движениями и гражданским обществом — локальными, национальными, глобальными, — сталкиваются с трудностью, обусловленной тем, что сети власти обычно глобальны, тогда как сопротивление контрвласти, как правило, локально. Как достичь глобального из локального через создание сетей с другими локальностями — как «омассовить» пространство потоков, — становится ключевым вопросом стратегии для социальных движений нашего века»⁷⁹.

Нетрудно заметить, что концепция сетевого общества вполне созвучна методологии социальной синергетики, которая в условиях современного неустойчивого мира обретает все большую и большую популярность. Не будет преувеличением сказать, что многие положения синергетики не только вписываются в общую логику развития сетевого мира, но и способствуют раскрытию его новых характеристик и трендов. Так, например, открытость - одно из важнейших качеств современного города, отраженное не только в работах по синергетике, но и во многих современных концепциях урбанизма. Например, Р. Сеннет «вводит в научный оборот термин «ломкий город», как противоположность открытому или гибкому городу: «Результатом слишком жесткой заданности становится то, что можно назвать Ломким городом ... Ломкий город – симптом общества, функционирующего на макроуровне как закрытая система»⁸⁰. И напротив, открытый город создает условия, которые «способствуют неожиданным встречам, случайным открытиям, инновациям»⁸¹. Проницаемость городских границ для экономических, социальных, культурных интервенций

---

⁷⁹ Там же, с. 75.

⁸⁰ Сендра П., Сеннет Р. Проектировать беспорядок: Эксперименты и трансгрессии в городе. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2022 с.49.

⁸¹ Там же, с.52.

оказывается важным свойством, определяющим его устойчивость и потенциал развития. Таким образом, системная, информационно-коммуникационная открытость города и городских агломераций становится важнейшим принципом и оценочной характеристикой стратегического управления развитием территорий.

На принципах альтернативности путей эволюции, нелинейности и высокой скорости изменений базируется одна из ведущих стратегий формирования будущего (т.н. Futurecraft), предложенная известными урбанистами Ратти и Колделлом. Она также как и синергетическая концепция управления предполагает в первую очередь отказ от искусственного навязывания системе траекторий развития: в результате «стратегическое проектирование отказывается от описания желаемого будущего «на бумаге» и настаивает на активном, деятельностном подходе, основанном на разработке и внедрении в управленческую практику инноваций, способных создать резонансное воздействие, трансформирующее социальную ткань города (привести к ее мутации)»⁸².

Еще один тезис о всевозрастающей «сложности, многообразности и нестабильности (изменчивости) социальной и культурной сред современного города также вряд ли может быть подвергнут сомнению. Однако вслед за представителями синергетической методологии современные урбанисты усматривают в этом качестве не вызов, а, напротив, значительный потенциал городского развития: «Густонаселенность и многообразие городского населения рождают множество сцен, на которых может себя проявить гражданское общество, если эти пространства не имеют фиксированной формы и функции. Наш тезис в данном случае в том, что ДНК этого неопределенного, свободного пространства может быть спроектирована»^{83,84}. В синергетическом подходе к управлению сложноорганизованными социальными системами один из ключевых исходных принципов «гласит о том, что нестабильное, неравновесное состояние системы

---

⁸² Курочкин А.В., Бабюк И.А. Гражданское участие в системе проектирования развития современного города: синергетический подход к анализу // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 8.

⁸³ Сендра П., Сеннет Р. Проектировать беспорядок: Эксперименты и трансгрессии в городе. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2022 с.45

⁸⁴ Курочкин А.В., Бабюк И.А. Гражданское участие в системе проектирования развития современного города: синергетический подход к анализу // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 8.

делает возможной ее кардинальную перестройку и выход на новый уровень развития за счет небольшого (с точки зрения затрат ресурсов/энергии), но топологически выверенного воздействия: «локальное воздействие может вызвать нелинейные и непредсказуемые, огромные и обширные, почти глобальные результаты»⁸⁵. В мировой истории неоднократно встречались примеры такого рода социальных и политических переустройств. Одним из уже ставших хрестоматийным является пример октябрьской революции в России 1917г., когда большевикам, сравнительно малочисленной политической партии, удалось взять всю полноту власти именно за счет правильно выбранного времени и места для совершения восстания. Неслучайно свое письмо членам ЦК накануне революции В.И. Ленин закончил фразой: «Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало! Промедление в выступлении смерти подобно»⁸⁶. К менее радикальным социальным экспериментам в ситуации турбулентности, неустойчивости общественных систем можно отнести случаи трансформации экономических систем и быстрого экономического роста, которого добивались государства, экономика которых находилась в глубоком кризисе. Показательным примером такого государства является Финляндия, добившаяся в начале 1990ых гг. колоссальных экономических успехов и роста качества жизни за счет правильного выбора точек приложения государственных инвестиций (прикладная наука, современные коммуникационные технологии, создание программного обеспечения, высшее образование), позволивших ей менее чем за 5 лет не только выйти из кризисного состояния, но и на десятилетия стать одним из европейских лидеров информационно-коммуникативных технологий. Схожая ситуация наблюдалась в первой половине 1990ых гг. с т.н. «молодыми азиатскими тиграми»: Южной Кореей, Сингапуром и Тайванем.

Важно отметить, что для обеспечения эффективности политики территориального развития в условиях сетевого общества принцип

---

⁸⁵ Витюк Е.Ю., Бабич В.Н. Синергетические законы развития города // Академический вестник Уралниипроект РААСН №3, 2011 с. 68-71.

⁸⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1969. — Т. 34. Июль — октябрь 1917. — С. 435—436.

неравновесности должен быть дополнен принципом расширения гражданского участия в выработке стратегии развития территории. Широкое гражданское или общественное участие выполняет в данном случае несколько важнейших функций.

Во-первых, это система обратной связи, построенная по краудсорсинговому принципу, которая позволяет наиболее точно и полно выявить существующие проблемы городской территории и наметить пути их решения.

Во-вторых, она позволяет понять общественные настроения на конкретной территории в отношении предлагаемой стратегии развития и проанализировать их в разрезе основных социальных групп.

Наконец, в-третьих, именно широкое общественное участие способно обеспечить полноценную реализацию намеченных планов, проконтролировать все этапы этого процесса. Переводя на язык синергетики, «именно оно позволит точнее всего определить те точки, которые окажутся наиболее чувствительными и позволят создать эффект резонанса, ведущий к качественной перестройке системы»⁸⁷. Такого эффекта можно добиться за счет использования инструментов стратегического планирования и управления в процессе цифровых трансформаций.

Отметим, что Российская Федерация полноценно включена сегодня в этот процесс и реализует собственную стратегическую программу построения цифровой экономики.

Ее содержательную основу составляют «Стратегия развития информационного общества» и государственная программа (с 2019г. проект) «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденные в мае-июле 2017г. В структуре данной программы были выделены пять основных направлений цифровизации и три прикладных с расчетным сроком реализации до 2024г. В качестве базовых федеральных проектов в рамках национальной программы в 2019г. были выделены следующие:

---

⁸⁷ Курочкин А.В., Бабюк И.А. Гражданское участие в системе проектирования развития современного города: синергетический подход к анализу // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 8.

1. «Кадры для цифровой экономики» (данный проект предполагает реализацию большинства целей и задач, обозначенных в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030»: «развитие человеческого потенциала; формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений; использование и развитие различных образовательных технологий, в том числе дистанционного, электронного обучения, при реализации образовательных программ; осуществление разработки и реализации партнерских программ образовательных организаций высшего образования и российских высокотехнологичных организаций, в том числе по вопросу совершенствования образовательных программ»⁸⁸ и др.);

2. «Нормативное регулирование цифровой среды» (проект, направлен «на разработку и принятие ряда нормативных правовых актов, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики, в частности, в таких сферах как: гражданский оборот, финансовые технологии, интеллектуальная собственность, телекоммуникации, судопроизводство и нотариат, стандартизация и иных»⁸⁹);

3. «Информационная безопасность» (проект призван «способствовать достижению состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации в условиях цифровой экономики»⁹⁰);

4. «Информационная инфраструктура» (ключевыми целями проекта были определены: «Создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи на основе отечественных разработок; создание глобальной

---

⁸⁸ Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный документ] (дата обращения 25.01.2021г.) URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> с.94

⁸⁹ Там же, с.90

⁹⁰ Там же, с.90

конкурентоспособной инфраструктуры обработки и хранения данных на основе отечественных разработок; создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры функционирования цифровых платформ работы с данными для обеспечения потребностей граждан, бизнеса и власти на основе отечественных разработок; создание экосистемы внедрения цифровых технологий в строительстве и управлении городским хозяйством «Умный город»⁹¹);

5. «Цифровое государственное управление» (данный федеральный проект в первую очередь «оказывает прямое влияние на обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере за счет использования цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, а также обеспечивает качественное улучшение ряда показателей, отражающих рост национальной экономики и социальной сферы»⁹²);

6. «Цифровые технологии» (проект в качестве ключевой цели предполагает увеличение «внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников (по доле в валовом внутреннем продукте страны) не менее чем в три раза по сравнению с 2017 годом. Цель будет достигнута через обеспечение формирования институциональной среды для развития исследований и разработок в области цифровой экономики, коммерциализацию перспективных продуктовых решений и развитие технологических заделов по направлениям «сквозных» цифровых технологий»⁹³).

Нельзя также не отметить и усилия по разработке и реализации общей стратегии развития цифровой экономики в рамках межгосударственных объединений, в которых РФ играет значительную роль. Так в 2016г. решением Совета глав правительств стран-участников СНГ была принята Стратегия

---

⁹¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный документ] (дата обращения 25.01.2021г.) URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> с.97

⁹² Там же, с.100

⁹³ Там же, с.99

сотрудничества государств-участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025г. В 2017г. решением Высшего Евразийского экономического совета были утверждены «Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года», в которых в частности, отмечено, что «Цели реализации цифровой повестки заключаются в актуализации сложившихся механизмов интеграционного сотрудничества в рамках Союза с учетом глобальных вызовов цифровой трансформации, в обеспечении качественного и устойчивого экономического роста государств-членов, в том числе для ускоренного перехода экономик на новый технологический уклад, формирования новых индустрии и рынков, развития трудовых ресурсов. Реализация цифровой повестки позволит синхронизировать цифровые трансформации и сформировать условия для развития отраслей будущего в государствах-членах»⁹⁴.

Таким образом, нельзя не согласиться с тезисом о том, что «без системной трансформации управленческих процессов, без кардинальной перестройки работы всего госаппарата масштабной отдачи от цифровизации обеспечить не получится»⁹⁵. С другой стороны, такая трансформация должна быть связана с решением именно тех проблем, которые диктуют новые вызовы и риски, вызванные новой глобализацией и цифровизацией и иметь отчетливый стратегический характер.

---

⁹⁴ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. N 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [Электронный документ] (дата обращения 25.01.2021г.) URL: <https://www.altar.ru/tamdoc/17vr0012/>

⁹⁵ Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность / под общ. ред. Н. Е. Дмитриевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 43 с. С.5

ГЛАВА 2. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

II. 2.1. Стратегическое планирование и управление территориями в процессе цифровизации государственного и муниципального управления РФ

В качестве основных задач данного параграфа определим следующие:

- проследить специфику процесса развития и внедрения ИКТ в систему государственного и муниципального управления РФ в 2000ые гг., определив особенности стратегического развития в настоящее время;

- выявить и проанализировать ключевые факторы глобальной цифровизации, как ускоряющие, так и замедляющие динамику территориального развития в мире и в современной России;

- определить роль, значение и функции новых форм гражданского участия в условиях цифровой трансформации городского управления.

Представляется, что основной вектор влияния цифровизации на политику территориального развития связан с необходимостью кардинальной перестройки ее структуры, форм и методов на всех уровнях управления: «Переход технологического развития в экспоненциальную фазу привел к тому, что человечество с одной стороны получило невиданные по эффективности управления технологии, а с другой – оказалось, что они требуют иных организационных и правовых подходов к их продвижению. Как и следовало ожидать, традиционные модели управления вступили в противоречие с возможностями сквозных цифровых технологий, которые в свою очередь потребовали оперативных действий для своего развития»⁹⁶. Таким образом, кризис традиционных моделей и методов управления потребовал качественной перенастройки государственного механизма и вызвал к жизни трансформационные процессы сразу по нескольким основным сферам общественной жизни:

---

⁹⁶ Слоботчиков О.Н., Козлов С.Д., Шатохин М.В., Попова С.А., Гончаренко А.Н. Цифра и власть: цифровые технологии в государственном управлении. Институт мировых цивилизаций. 2020. – 320 с. С.6

стратегированию и проектированию развития социально-экономических систем, предоставлению всего спектра государственных и муниципальных услуг, подготовке и переподготовке управленческих кадров, коммуникации государства с бизнесом и гражданским обществом, активизации и реформатированию гражданского участия.

Понять современное состояние и логику реформирования систем стратегического планирования и управления развитием территорий в России под влиянием цифровизации невозможно без анализа исходного состояния и траектории трансформационного движения в течении 2000ых гг. Поэтому автор считает необходимым провести хотя бы краткий анализ процесса развития и внедрения ИКТ в систему государственного и муниципального управления РФ, обозначить его особенности и результаты, к которым данный процесс привел в настоящее время. В целом, отличительными характеристиками процесса цифровизации в современной России являются: четко выверенная логика внедрения ИКТ, хронологически структурируемая в рамках трех основных этапов; наличие на каждом этапе необходимого нормативно-правового обеспечения, формирующего институциональную базу регулирования общественных отношений по поводу внедрения новых технологий; постепенное упорядочивание (посредством разделения функций и ответственности между различными ветвями/органами власти) процесса принятия политических решений по цифровизации в рамках четко выверенной структуры перераспределения полномочий между различными акторами политического процесса.

Раскроем то, как эти характеристики проявляли себя в хронологии информатизации и цифровизации российского общества и государства.

Конец 1990ых- начало 2000ых гг. можно было бы обозначить как период информационного идеализма. Идеалистические представления о будущем открытом, демократическом информационном обществе нашли свое наиболее полное отражение в первом международном документе по развитию информационного общества - Окинавской Хартии глобального информационного общества, подписанной всеми лидерами «большой восьмерки» 22 июля 2000г.:

«Информационное общество, как мы его представляем, позволяет людям шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления. Для этого мы должны сделать так, чтобы ИТ служили достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления, прав человека, развития культурного многообразия и укрепления международного мира и стабильности»⁹⁷.

Сегодня совершенно очевидно, что этим идеалистическим представлениям об информационном обществе не суждено было сбыться. Несмотря на колоссальный технологический прорыв в сфере развития ИКТ, который был совершен за последние 22 года, информатизация и цифровизация не только не разрешили традиционные противоречия и конфликты, но и породили новые, абсолютно не соответствующие трендам транспарентности, демократизации и укрепления защиты прав человека. Человечество вступило в эпоху «постправды», информационных и гибридных войн, поставлен вопрос, относительно возможности эффективного контроля над дальнейшим развитием новых цифровых технологий: искусственного интеллекта, Big Data, интернета вещей и пр.

Возвращаясь к хронологии и логике развития информационно-коммуникативных технологий в РФ и внедрения их в управленческую практику, выделим первый этап информатизации систем государственного и муниципального управления - 2002-2010гг., который был связан прежде всего с принятием и реализацией федеральной программы «Электронная Россия», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации №65 от 28 января 2002 г.⁹⁸. Основные цели данного этапа были зафиксированы в тексте самой программы. Это: «повышение оперативности

---

⁹⁷ Окинавская Хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник № 8, август 2000 года

⁹⁸ Необходимо отметить, что еще до появления федеральной целевой программы, примерно с 2000г. реализовывались некоторые ведомственные проекты, ставшие по сути пилотными для «Электронной России». Наиболее показательна в этом отношении практика работы Министерства по налогам и сборам, осуществляемая под руководством работавшего в 1998-2004гг. заместителем министра М.В. Мишустина.

предоставления государственных и муниципальных услуг, повышение качества взаимоотношений государства и общества путем расширения возможностей доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти внедрения единых стандартов обслуживания населения; повышение эффективности межведомственного взаимодействия и внутренней организации деятельности органов государственной власти на основе организации межведомственного информационного обмена и обеспечения эффективного использования органами государственной власти информационных и телекоммуникационных технологий; повышение эффективности государственного управления; обеспечение оперативности и полноты контроля за деятельностью органов государственной власти»⁹⁹. Данные цели согласно программе «Электронная Россия» должны были быть достигнуты путем решения следующих задач: «перехода на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде федеральными органами исполнительной власти; развития инфраструктуры доступа к государственным и муниципальным услугам и к информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления; обеспечения решения задач государственного управления с использованием элементов электронного правительства; развития инфраструктуры электронного правительства»¹⁰⁰.

Оценивая итоги реализации государственной программы «Электронная Россия 2002-2010гг.», следует отметить, что несмотря на справедливую критику срывов сроков реализации отдельных мероприятий программы, явную недостаточность подключения министерств и ведомств к единой системе электронного документооборота (только около 1/3 федеральных ведомств было подключено на конец 2010г.), данная программа способствовала формированию электронной инфраструктуры в системе государственного и муниципального управления и послужила своеобразным полигоном для анализа основных вызовов

---

⁹⁹ ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)» [Электронный документ] URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/6/> Дата обращения: 25.04.2022г.

¹⁰⁰ Там же.

и препятствий на пути дальнейшей цифровизации. Основным практическим результатом реализации программы стало создание федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг». На момент окончания действия программы «Электронная Россия 2002-2010» на портале было зарегистрировано около 500 тыс. человек, которые могли получать в полностью электронном виде 15 государственных услуг, а оформление документов онлайн было обеспечено по более чем 50-ти услугам. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации за 2020г. услугами, представленными на портале, воспользовались более 56 млн человек, а всего было оказано более 230 млн услуг¹⁰¹. Закономерно, что на сегодняшний день портал Госуслуги.ру признан одним из наиболее эффективных информационных сервисов предоставления государственных и муниципальных услуг в мире.

Второй этап 2011-2017гг. развития электронного государства и информационного общества был связан с завершением фазы инфраструктурной перестройки и технического переоснащения систем государственной и муниципальной власти РФ на базе ИКТ и формированием в стране фундамента для развития полноценного информационного общества. Поэтому закономерно, что основополагающей федеральной программой, вокруг которой, строился процесс информатизации и цифровизации на данном этапе стала программа «Информационное общество 2011-2020гг.», разработанная Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Министерством экономического развития Российской Федерации. Программа была направлена уже на новый набор целей:

«1. Повышение качества жизни граждан и улучшение условий развития бизнеса;

2. Электронное государство и повышение эффективности государственного управления;

---

¹⁰¹ Количество граждан, которые воспользовались сервисами единого портала Госуслуг в 2020 году, составило 56 млн человек [Электронный документ]URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40942/> (дата обращения: 29.06.2022г.)

3. Развитие российского рынка информационных и телекоммуникационных технологий, обеспечение перехода к цифровой экономике;
4. Преодоление «цифрового разрыва» и создание базовой инфраструктуры информационного общества;
5. Обеспечение безопасности в информационном обществе;
6. Развитие цифрового контента и сохранение культурного наследия»¹⁰².

Предполагалось, что в результате достижения этих целей будет создан широкий спектр возможностей использования информационно-коммуникационных технологий в производственных, научных, образовательных, социальных целях. Эти возможности будут доступны для любого гражданина, вне зависимости от его возраста, состояния здоровья, региона проживания и любых других характеристик, а их использование будет обеспечено за счёт создания соответствующей инфраструктуры, создания цифрового контента и подготовки компетентных пользователей¹⁰³.

Оценка хода и конечных итогов реализации данной программы не однозначна. В-первую очередь это связано с разрывами в темпах реализации программы как по уровням управления, так и по отдельным ведомствам. Большинство экспертов сходятся во мнении, что на региональном уровне и особенно в органах местного самоуправления процесс имплементации информационно-коммуникационных технологий шел значительно медленнее, нежели на уровне федеральных ведомств.

Тем не менее, несмотря на разбалансированность реализации программы по отраслям и уровням управления, задержки в темпах внедрения основных инструментов программы, ее основные цели все же были достигнуты. Это доказывает прежде всего улучшение позиций РФ в профильных международных рейтингах. Согласно одной из наиболее авторитетных систем оценки развития ИКТ – Индексу развития информационно-коммуникационных технологий в странах мира (International Telecommunication Union:

---

¹⁰² О государственной программе «Информационное общество (2011–2020 годы)» [Электронный документ] URL: <http://government.ru/docs/3369/> дата обращения: 25.04.2022г

¹⁰³ Там же

ICT Development Index 2017) РФ поднялась в 2007-2010гг. с 49 места на 47 и далее к 2017г. на 45 место с индексом 7,07 (в 2012г. индекс составлял 5,94 единицы) (см. таблицу 1).

Таблица 1. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий в странах мира 2007-2017г.

2007г.			2017г.		
Страна	Место в рейтинге	Индекс IDI	Страна	Место в рейтинге	Индекс IDI
Швеция	1	7,50	Исландия	1	8,98
Республика Корея	2	7,26	Республика Корея	2	8,85
Дания	3	7,22	Швейцария	3	8,74
Нидерланды	4	7,14	Дания	4	8,71
Исландия	5	7,14	Великобритания	5	8,66
Норвегия	6	7,09	Гон-Конг (Китай)	6	8,61
Люксембург	7	7,03	Нидерланды	7	8,49
Швейцария	8	6,94	Норвегия	8	8,47
Финляндия	9	6,79	Люксембург	9	8,47
Великобритания	10	6,78	Япония	10	8,43
.....	.....	.....	.....	.....	.....
Россия	50	3,83	Россия	45	7,07

Источник: International Telecommunication Union: ICT Development Index 2017.

Третий этап цифровой трансформации системы государственного и муниципального управления (2017-2024гг.) пока еще не завершен. Его инициация относится к посланию Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию 1 декабря 2016 года, когда впервые им была обозначена стратегическая цель формирования в Российской Федерации «новой веб-экономики способной повысить эффективность отраслей, используя информационные технологии»¹⁰⁴. Содержательную основу данного этапа составила, принятая в 2017г. Национальная

¹⁰⁴ Матвеев В.В., Тарасов В.А. Государственное регулирование и поддержка цифровой экономики в России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования, №4 (38), 2019 с.185-194.

программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹⁰⁵, включающая шесть самостоятельных направлений: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление». Ее отличительной особенностью является комплексный, мультицелевой характер, ориентация «на создание как нецифровых, так и цифровых основ цифровой трансформации...Первостепенное внимание было уделено изменению нормативной правовой базы; были рассмотрены ключевые аспекты формирования цифровых компетенций (навыков), развития образования и сферы исследований и разработок; ...предложены конкретные инициативы в области цифрового правительства, умных городов и цифрового здравоохранения»¹⁰⁶. Также к основным новациям данного этапа следует отнести переход от программно-целевого к проектному методу управления, что повлекло за собой в 2019г. переименование федеральной программы в национальный проект «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹⁰⁷.

Ход реализации национального проекта, также как и предыдущей программы «Информационное общество», нельзя оценить однозначно. С одной стороны, его комплексный характер способствует более широкому охвату проблемных зон и отлаженному методическому и нормативно-правовому обеспечению. С другой стороны, реализация даже отдельных направлений проекта имеет очень сложную и громоздкую систему управления, которая плохо скоординирована как по вертикали, так и по горизонтали. Отсюда уже к 2019-2020гг. проявились срывы сроков реализации отдельных мероприятий и не достижение целевых показателей: «в первом квартале 2020 года полностью было достигнуто лишь 6 показателей из 231 запланированных. Примерно 150 отклонились от заданных

---

¹⁰⁵ Цифровая экономика Российской Федерации [Электронный документ] URL:<https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 15.05.2022)

¹⁰⁶ Матвеев В.В., Тарасов В.А. Государственное регулирование и поддержка цифровой экономики в России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования, №4 (38), 2019 с.185-194.

¹⁰⁷ Хохлов Ю.Е. Цифровая экономика в России: ключевые результаты оценки готовности страны к цифровой экономике // Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации сентябрь 2018. World Bank Group.

сроков в процессе реализации, а почти 30% (66) — признаны невыполненными»¹⁰⁸. Безусловно, отрицательную роль в изменении темпов выполнения национального проекта сыграла и пандемия Covid-19, отодвинувшая сроки реализации многих мероприятий на год-полтора.

Таблица 2. Основные этапы цифровизации системы государственного и муниципального управления РФ

Этапы	Наименование этапа	Хронологические рамки	Ключевая федеральная программа/проект	Нормативно-правовая база
I	Этап начального внедрения ИКТ в федеральном масштабе и технологического переоснащения органов государственной и муниципальной власти	2002-2010гг.	ФЦП «Электронная Россия (2002-2010)»	<ul style="list-style-type: none"> • Распоряжение Правительства РФ от 27 сентября 2004 года № 1244-р «О Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года и плане мероприятий по ее реализации»; • Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 года № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 - 2010 годах»; • Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»;

¹⁰⁸ Цифровая экономика России URL:[https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая экономика России](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_экономика_России) [Электронный документ] дата обращения: 20.05.2022г.

				<ul style="list-style-type: none"> • Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; • Распоряжение Правительства РФ от 06 мая 2008 года № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года»; • Указ Президента РФ № Пр-212 от 07 февраля 2008 года «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации»
II	Этап расширения масштабов использования и содержательного развития электронных сервисов: G to C; G to B; G to G.	2011-2017гг.	Государственная программа «Информационное общество (2011– 2020 гг.)», включающая 4е подпрограммы: «Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества и услуги, оказываемые на ее основе», «Информационная среда», «Информационное государство», «Безопасность в информационном обществе».	<ul style="list-style-type: none"> • Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 года № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»; • Распоряжение Правительства РФ от 04 июля 2017 года № 1418-р «Об утверждении Концепции формирования и ведения единого федерального информационного ресурса, содержащего сведения о населении Российской Федерации»;

				<ul style="list-style-type: none"> Указ Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»
III	Этап цифровой трансформации системы государственного и муниципального управления на платформенной базе; переход от программного к проектному методу управления	2017-2024гг.	Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (с 2019г. национальный проект «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», включающий 6 отдельных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление»).	<ul style="list-style-type: none"> Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»

Таким образом краткий обзор процесса становления и развития информационного общества и цифровой экономики в РФ выявил как позитивные, так и негативные черты, проявившиеся практически на всех трех этапах.

К позитивным следует отнести: комплексный характер реформирования, охватывающий практически все отрасли и уровни управления РФ, фундированную нормативно-правовую базу и мощный научно-технический потенциал, как в сфере вузовской, так и академической науки.

К негативным относятся прежде всего раскоординированность процесса управления реформированием, отсутствие единого ответственного и компетентного центра текущего контроля за исполнением всего национального проекта.

Итак, глобальный процесс цифровизации, как это было показано в первой главе, вызвал множество как положительных, так и отрицательных эффектов на всех уровнях управления: от муниципалитетов до макрорегионов и транснациональных организаций. В качестве его общей, «родовой» черты можно обозначить интегративный характер, тенденцию к комплексности и универсализации методов, подходов и инструментов управления: «основным трендом развития цифровых технологий... является формирование новой управленческой концепции *symphonic enterprise*. Эта концепция подразумевает достижение кумулятивного эффекта от внедрения государством и бизнесом сквозных технологий, каких, например, как блокчейн и системы искусственного интеллекта. Цель этих усилий заключается в том, чтобы повысить эффективность работы «цифрового государства» на всех уровнях: от отдельных структур и процессов до комплексного ИК-взаимодействия граждан, госструктур и бизнеса»¹⁰⁹.

Современное российское государство и составляющие его отдельные регионы и муниципальные образования неизбежно испытывают на себе это влияние. Собственно, сам процесс внедрения ИКТ в практику государственного и муниципального управления с конца 1990ых гг., описанный выше, является основным следствием глобального вызова цифровизации и технологизации, сделавших такое комплексное внедрение необходимым условием эффективности. Перечислим и кратко проанализируем ключевые факторы цифровизации как стимулирующие, так и сдерживающие динамику развития территорий, с учетом российской специфики.

К стимулирующим факторам можно отнести следующие:

---

¹⁰⁹ Слоботчиков О.Н., Козлов С.Д., Шатохин М.В, Попова С.А., Гончаренко А.Н. Цифра и власть: цифровые технологии в государственном управлении. Институт мировых цивилизаций. 2020. – 320 с. С.22.

- ускорение благодаря развитию и внедрению ИКТ информационных обменов по всем каналам взаимодействия и повышение эффективности системы обратной связи государства и гражданского общества;

- повышение, в следствии первого фактора эффективности процесса принятия управленческих решений в целом и расширение возможностей прогнозирования развития проблемных ситуаций;

- уменьшение благодаря большей обезличенности, всех издержек, связанных с человеческим фактором в управлении: бюрократизма, коррупции, nepотизма, злоупотребления служебным положением и пр.;

- расширение возможностей разработки и применения новых методов и технологий стратегического развития территорий, в частности, методики формирования будущего (future craft) благодаря использованию сетевых краудсорсинговых инструментов.

К сдерживающим факторам отнесем прежде всего:

- цифровой разрыв как в межпоколенческом, так и территориальном аспектах;

- технократизацию политики и управления, влекущую за собой утрату традиционных ценностных оснований и антропоцентричности процесса выработки политики;

- слабеющий год от года контроль за процессом технологического развития: ни частные корпорации, ни государство не могут сегодня полноценно контролировать этот процесс.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что основной социально-экономический эффект развития и внедрения цифровых технологий заключается в увеличении количества и качества электронных государственных услуг, а также принципиально новых возможностях информационного обмена и в частности делопроизводства¹¹⁰. Это действительно «осязаемый» эффект, дающий конкретную экономию бюджетных средств и времени. Однако

---

¹¹⁰ Слоботчиков О.Н., Козлов С.Д., Шатохин М.В, Попова С.А., Гончаренко А.Н. Цифра и власть: цифровые технологии в государственном управлении. Институт мировых цивилизаций. 2020. – 320 с. С.6

нам представляется важным сместить акценты с технологического аспекта на социальный и подчеркнуть важность использования цифровых инструментов для расширения возможностей гражданского участия и повышения гражданской активности, которые, в свою очередь, делают возможным реализацию новых технологий формирования будущего.

Стратегическое управление развитием городских территорий в начале 20ых гг. XXI в. безусловно отличается от практики управления второй половины XX века. Сегодня «даже небольшие и удаленные от глобальных экономических центров города не могла не затронуть цифровая трансформация, существенно изменившая качество городской инфраструктуры и качество жизни горожан в целом. Однако подавляющее большинство городов и городских агломераций помимо инфраструктурных и сервисных инноваций испытывают также существенное унифицирующее воздействие цифровой урбанизации, суть которого достаточно точно описал Р. Сеннет: «Сегодня гибкий капитализм развивается внутри скованного города. Город стал железной клеткой, в которой заперты растерянные животные, вкалывающие изо всех сил. У этого парадокса несколько причин. Одна – исчезновение смешанных пространств и их замена более однородными районами...Сегодняшние методы застройки города – разделение функций, гомогенизированное население, предопределение через зонирование и регулирование смысла места – не дает времени и пространства для развития сообществ, необходимых для роста»¹¹¹¹¹².

Известные урбанисты Карло Ратти и Мэтью Клодел отмечают, что «новый город являет собой фундаментально иное пространство, в котором цифровые системы оказывают в высшей степени реальное влияние на то, как мы получаем тот или иной опыт, перемещаемся и ведем социальную жизнь...Повсеместная

---

¹¹¹ Курочкин А.В., Бабюк И.А. Гражданское участие в системе проектирования развития современного города: синергетический подход к анализу // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 8. – doi: [10.18334/ce.16.8.115245](https://doi.org/10.18334/ce.16.8.115245)

¹¹² Сендра П., Сеннет Р. Проектировать беспорядок: Эксперименты и трансгрессии в городе. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. - 280 с.

технология захватывает все измерения городской жизни, трансформируя его в компьютер для жилья»¹¹³.

Таким образом процессы технологизации и цифровизации ведут к обезличенности и потере разнообразия социальной ткани городского пространства. Цифровая трансформация города – процесс неоднозначный и по результатам влияния на процессы гражданского участия. Признавать ее исключительно как идеальный коммуникационный инструмент, дающий возможность безграничного расширения возможностей такого участия, было бы в корне не верно. Стив Маккуайр достаточно точно определил, что «ярко выраженная амбивалентность цифрового века, в котором мы живем, возникает из необходимости преодолеть напряжение между потенциальной возможностью новых форм вовлеченности и самоорганизации граждан и свойственной подобным проектам тенденцией к маргинализации под влиянием новых форм технократического контроля, которые они зачастую сами и производят»¹¹⁴.

С указанными выше представлениями о влиянии цифровой трансформации на развитие городских территорий, как уже было показано выше, новый подход к планированию развития территорий - проектирование или созидание будущего (futurecraft). Он базируется на исходной методологической установке, сформулированной Б. Фуллером: «Функцией того, что я называю наукой проектирования, заключается в решении проблем путем внедрения в окружающую среду новых артефактов, наличие которых будет вызывать их спонтанное использование людьми и таким образом заставит их отказаться от своих прежних порождающих проблемы практик поведения и инструментов»¹¹⁵.

Представляется важным дополнить эти исходные предпосылки эффективного проектирования и созидания будущего тезисом о необходимости расширения компетентного гражданского участия на процессы проектирования

---

¹¹³ Ратти К., Клодел М. Города завтрашнего дня: Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни. М. Изд-во Института Гайдара, 2017. - 248 с.

¹¹⁴ Курочкин А.В., Бабюк И.А. Гражданское участие в системе проектирования развития современного города: синергетический подход к анализу // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 8. – doi: [10.18334/ce.16.8.115245](https://doi.org/10.18334/ce.16.8.115245)

¹¹⁵ Ратти К., Клодел М. Города завтрашнего дня: Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни. М. Изд-во Института Гайдара, 2017. - 248 с.

стратегического развития городских территорий: «Это влияние определяется совершенствованием системы обратной связи, являющейся ключевым инструментом информационного обмена между конкретными городскими локациями и центрами принятия решений, а также возможностями со-участия в самих процессах принятия решений относительно развития городских территорий.

По сути речь идет о социальных инновациях в различных сферах городской жизни. И здесь первостепенное значение имеет приобретение горожанами новых коммуникативных навыков и компетенций, открывающих возможности для реализации различных форм гражданского участия, в том числе в проектировании развития городской территории.

Таким образом, эффективное проектирование будущего зависит не только от активизма как такого, но и от уровня развития системы гражданского образования, делающей такое участие осознанным и адекватным специфике условий внутренней и внешней среды города»¹¹⁶.

В РФ жители крупных городов уже имеют возможность вовлечения в процесс управление их развитием через открытые платформы обратной связи (такие как, «Активный гражданин», «Решаем вместе», «Твой бюджет», «Родной район» и др.). Параллельно с процессом расширения возможностей участия возросло число нормативных правовых актов, направленных на поддержку цифровизации, которые носят целевой характер, с четко зафиксированными финансовыми, технологическими и социальными результатами и сроками исполнения. Также необходимо отметить особое значение в новых условиях профильных центров компетенций, территорий опережающего развития (ТОСЭР), «точек кипения» и пр. основной целью которых (в аспекте повышения эффективности систем городского управления) выступает устранение цифрового неравенства и развитие инновационной инфраструктуры городов.

---

¹¹⁶ Курочкин А.В., Бабюк И.А. Гражданское участие в системе проектирования развития современного города: синергетический подход к анализу // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 8. – doi: [10.18334/ce.16.8.115245](https://doi.org/10.18334/ce.16.8.115245)

Проанализировав процесс внедрения ИКТ в систему государственного и муниципального управления современной России, промежуточные результаты цифровой трансформации и их влияние на эффективность процесса принятия решений, а также значение гражданского участия в реализации краудсорсинговых технологий формирования будущего, автор пришел к следующим выводам:

- на сегодняшний день в РФ сложилась комплексная и достаточно эффективная система оказания электронных государственных и муниципальных услуг для населения и бизнеса в формате одного окна. Ее успешности способствовала детально проработанная система нормативно-правового регулирования, обеспечившая правовую защиту персональных данных, регулирование информационных обменов, защиту от распространения общественно-опасной информации и пр.

- постоянно возрастающая сложность процессов управления, ориентированного на формирование желаемого будущего, требует вовлечения в эти процессы широкого круга экспертов, представляющих различные научные направления и дисциплины, группирующиеся вокруг применения блокчейн-технологий, интернета вещей, Big Data и искусственного интеллекта;

- эта же причина требует принципиального обновления содержания процесса подготовки государственных и муниципальных служащих, формирования у них новых цифровых компетенций, готовности (в том числе психологической) принимать решения в условиях многозадачности и быстро меняющейся внешней среды;

- требуется более глубокая интеграция органов публичной власти на базе цифровых платформ, что должно минимизировать неэффективность межведомственного взаимодействия. Данный тезис особенно актуален для реализации цифровых трансформаций в сфере стратегического управления развитием городов и городских агломераций;

- необходимо внедрение новых форм цифрового гражданского образования, обеспечивающего знания и навык работы с информационно-коммуникационными технологиями в процессе реализации гражданского участия;

- обеспечение возможности электронного (цифрового) гражданского участия должно параллельно сопровождаться созданием необходимой технологической инфраструктуры, понятной и удобной большинству пользователей. Речь идет прежде всего о создании приложений для смартфонов, интегрируемых в большие платформы (например, это может быть дополнение к или совершенствование самого сервиса госуслуг (gosuslugi.ru)).

П.2.2 Роль креативных и общественных пространств в современных стратегиях территориального развития

Цифровизация и информационно-коммуникационная революция привели к переосмыслению роли, функций и возможностей креативной сферы городов, ее более полной интеграции в экономическую и социально-политическую жизнь, формированию новой цифровой инфраструктуры креативного развития и новой коммуникативной культуры. Развитие городских креативных индустрий и креативных пространств, как своеобразных хабов – центров пересечения множества коммуникационных каналов, точек совпадения интересов и вложения инвестиций, прочно вошло в содержательную повестку и стало частью технологий стратегического территориального развития. В условиях современной экономической ситуации в РФ, осложненной беспрецедентными санкциями со стороны Запада, социальная, экономическая и, отчасти даже политическая роль креативного сектора возрастает многократно.

В связи с глобальной урбанизацией и ростом городских агломераций, расширением и усложнением их инфраструктуры появилась необходимость в существенно более эффективном использовании городской среды, которое бы позволило сконцентрировать на одной территории максимально возможное количество сервисных и рекреационных объектов, обеспечивающих эффективную реализацию досуговой, созидательной (творческой), и коммуникативной функций, а также предлагающей широкий спектр возможностей для самозанятости горожан. В качестве оптимального решения данной задачи предлагается создание многофункциональных центров, объединяющих в себе несколько площадок, пригодных для проведения культурных мероприятий, развлечений, общения различных социальных групп горожан, образования (в том числе и гражданского) и непосредственно креативной деятельности. Данные центры должны стать локализованными точками роста (что особенно актуально для депрессивных городских районов, т.н. серых зонах), которые способны оказать большое влияние на экономику города и его имидж. Кроме того, они выполняют важную социальную

функцию по вовлечению молодежи в креативное предпринимательство, предоставляют социальные преимущества, благодаря более широким возможностям взаимодействия и сотрудничества с единомышленниками, установлению устойчивых социальных связей, стимулируют развитие различных форм бизнеса с творческим началом, позволяют горожанам знакомиться с достижениями и основными направлениями в современном искусстве, дизайне, моде и пр. Это, в свою очередь, имеет существенное значение для формирования новых социально-профессиональных сообществ и городской идентичности в целом.

В рамках данного параграфа автор проанализирует развитие городских креативных и публичных пространств в цифровой экономике на основе трех гипотез:

1. Количество городских креативных пространств в условиях сетевизации и усложнения структуры коммуникационных каналов будет расти, также как будет увеличиваться и их функциональное наполнение.

2. Основная функция креативных пространств в данных условиях будет заключаться в их становлении и развитии как информационно-коммуникационных хабов мегасети креативных индустрий.

3. Эффективность политики стратегического развития современных городов находится в прямой связи с количеством, а главное качеством (содержанием деятельности и динамикой развития) креативных пространств.

Развитие креативных индустрий и креативных пространств в современном мире становится одной из важнейших задач государственной экономической, культурной и инновационной политики: «именно государство создает условия и координирует развитие стратегических направлений индустрий, как на национальном, так и на региональном уровнях. Способствует крупномасштабному интегрированию сетей и структур разных типов»¹¹⁷. Все уровни публичной власти способны своими решениями оказывать

---

¹¹⁷ Якова Т. С., Янглева М. М. Креативные индустрии в странах Европы. политика государства // № [1\(78\)](#) 2017. С. 26-35. С.27.

как стимулирующее, так и тормозящее воздействие на этот процесс. РФ не является исключением и обеспечивает такое развитие по нескольким основным направлениям:

- включению в планы стратегического развития территорий (формирование полноценной комплексной инфраструктуры, куда «вписывались» бы объекты креативных пространств и индустрий),

- институциональному (нормативно-правовому) сопровождению,

- ресурсному обеспечению (льготные условия налогообложения, привлечение инвестиций, арендные льготы на предоставление земельных участков и помещений и т.п.),

- экспертному сопровождению и подготовке квалифицированных кадров (человеческий креативный капитал),

- формированию позитивного общественного мнения относительно необходимости креативного развития (особенно в молодежной среде) и соответствующей ему культурной городской среды.

Следует отметить, что в странах ЕС и государствах – экономических лидерах Юго-Восточной Азии необходимость и значение про-активной государственной политики в сфере развития креативных индустрий поняли уже 30 лет назад, когда данная отрасль стала одним из важнейших направлений антикризисных политических стратегий. Концепции создания разветвленной сети креативных индустрий на протяжении последних двух десятилетий разрабатывались и реализовывались в разных странах Европы, Азии и Америки. Одним из первых государств, активно стимулировавших их развитие, стала Великобритания. Здесь еще в середине 1990 гг. государство использовало различные методы стимулирования развития отдельных креативных индустрий на уровне регионов и муниципалитетов. В частности, поддержку получили проекты развития картографии развлекательных отраслей, национальных музыкальных этноколлективов и пр. «В 2010 г. британцы провозгласили идею стать глобальными лидерами в креативной экономике, обладая на тот момент самым широкомасштабным сектором креативной индустрии в Европе – более

7% ВВП по сравнению с 2,6% по всему ЕС в целом, и акцентировали внимание на «креативных индустриях» в качестве катализатора для выхода из рецессии и восстановления национальной экономики»¹¹⁸. Особую роль программы развития креативных пространств и индустрий сыграли в социокультурной и экономической реновации депрессивных территорий страны.

Схожей стратегии придерживалась и Финляндия, оказавшаяся к началу 1990ых годов в глубоком экономическом кризисе. Отличительной чертой финской модели стал акцент на развитии инновационной системы в целом, поэтому креативный кластер развивался здесь преимущественно в сфере IT технологий, и, в частности, создании программного обеспечения с открытым кодом (самым известным продуктом стал Linux, как альтернатива продукции транснациональных IT корпораций, прежде всего, Microsoft), а не более «привычных» индустрий: моды, изобразительного искусства.

Креативные индустрии и шире креативная экономика, определяемая как совокупность «социально-экономических взаимоотношений, которые возникают по вопросам потребления, обмена, производства, перераспределения, базируемых на нетрадиционных, нестандартных, не копируемых стратегиях, концепциях, идеях, мероприятиях, формирующих эффективное решение социально-экономических вопросов на основании новых познаний, принципиально качественно других решений»¹¹⁹, были поставлены во главу угла развития всего скандинавского региона, о чем в частности заявлял Совет министров Северных стран, обозначивший в качестве девиза развития макрорегиона лозунг: «Креативность – нордический ответ глобализации»¹²⁰.

Следствием успешной реализации данной политической стратегии стало то, что Финляндия, Швеция, Дания и Исландия входили в первую десятку глобального рейтинга креативности, который был составлен научным центром

---

¹¹⁸ Там же, С. 28.

¹¹⁹ Михайлова А.В. Цифровая и креативная экономика в современном пространстве // Креативная экономика. – 2018. – Том 12. – № 1. – С. 29-42. С.31.

¹²⁰ Якова Т. С., Янглева М. М. Креативные индустрии в странах Европы. политика государства // № 1(78) 2017. С. 26-35. С.27.

Martin Prosperity Institute Университета Торонто в 2015г. на основе оценки трех составных параметров: технологий, таланта, толерантности (3Т) (см. таблицу 3).

Сразу три государства Северной Европы (Финляндия, Швеция и Дания) вошли в первую десятку глобального инновационного рейтинга в 2021г. (см. таблицу 3) и, несмотря на небольшое изменение позиций, в первую десятку глобального инновационного рейтинга 2022г. (см. таблицу 4). В первую двадцатку рейтинга глобального инновационного рейтинга за последние 2 года вошли все североευропейские государства.

Единственный рейтинг, где они оказались на сравнительно более низких позициях (оставшись тем не менее в первой 20-ке) стал «Рейтинг привлекательности стран для звезд креативных индустрий». В 2022г. Швеция заняла в нем 15 место, а Дания 17. Однако это связано в первую очередь со спецификой самого рейтинга (ориентированного прежде всего на оценку привлекательности мировых центров моды и дизайна для звезд креативных индустрий), а во вторых со спецификой североευропейской модели инновационного и креативного развития, в которой элитарному уровню креативных индустрий отводится отнюдь не первостепенная роль.

Таблица 3. Глобальный рейтинг креативности 2015г.

Место	Государство	Технологии	Талант	Толерантность	Балл
1	Австралия	7	1	4	0,970
2	США	4	3	11	0,950
3	Новая Зеландия	7	8	3	0,949
4	Канада	13	14	1	0,920
5-6	Дания	10	6	13	0,917
5-6	Финляндия	5	3	20	0,917
7	Швеция	11	8	10	0,915
8	Исландия	26	2	2	0,913
9	Сингапур	7	5	23	0,896
10	Нидерланды	20	11	6	0,889

Источник: Global Creativity Index 2015 rankings [Электронный документ] URL:

<https://www.culturepartnership.eu/en/article/global-creativity-index-2015>

Таблица 4. Глобальный инновационный рейтинг 2021г.

Место в рейтинге	Государство	Баллы	Группа государств по величине дохода	Рейтинг региона, к которому относится государство
1	Швейцария	65,5	1	1
2	Швеция	63,1	2	2
3	США	61,3	3	1
4	Великобритания	59,8	4	3
5	Республика Корея	59,3	5	1
6	Нидерланды	58,6	6	4
7	Финляндия	58,4	7	5
8	Сингапур	57,8	8	2
9	Дания	57,3	9	6
10	Германия	57,3	10	7

Источник: Global Innovation Index 2021 rankings [Электронный документ]

URL:https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf

Таблица 5. Глобальный инновационный рейтинг 2022г.

Место в рейтинге	Государство	Баллы	Группа государств по величине дохода	Рейтинг региона, к которому относится государство
1	Швейцария	64.6	1	1
2	Соединенные Штаты Америки	61.8	2	1
3	Швеция	61,6	3	2
4	Соединенное Королевство	59,7	4	3

5	Нидерланды	58,0	5	4
6	Республика Корея	57,8	6	1
7	Сингапур	57,3	7	2
8	Германия	57,2	8	5
9	Финляндия	56,9	9	6
10	Дания	55,9	10	7

Источник: Global Innovation Index 2022 rankings [Электронный документ] URL: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII_2022_R-ExSum_WEB.pdf

Таблица 6. Рейтинг привлекательности стран для звезд креативных индустрий 2022г.

Место в рейтинге	Страна
1	США
2	Великобритания
3	Китай
4	Германия
5	Япония
6	Франция
7	Италия
8	Испания
9	Австралия
10	Южная Корея
11	Канада
12	Бразилия
13	Швейцария
14	Нидерланды
15	Швеция
16	Индия
17	Дания
18	Ирландия
19	Турция
20	Российская Федерация
21	Польша

22	Новая Зеландия
23	Мексика
24	Бельгия
25	Норвегия
26	ЮАР
27	Перу
28	Тайвань
29	Австрия
30	Финляндия

Источник: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

[Электронный документ] URL: <https://issek.hse.ru/news/679775451.html>

Как уже отмечалось выше, не менее значим сегмент креативных индустрий и пространств и для наиболее развитых стран Юго-Восточной Азии: Южной Кореи, Японии, Сингапура и Тайваня. Закономерно, что две из них Сингапур и Южная Корея также вошли в первую десятку всемирного рейтинга инновационного развития. Вряд ли возможно четко определить особую восточноазиатскую модель государственной политики развития креативных индустрий. Однако страны региона имеют схожий социально-экономический и культурно-исторический контекст развития, а потому, можно говорить о некоторых общих закономерностях и тенденциях в выборе такой политической стратегии. При всех национальных особенностях национальные правительства стран региона разрабатывают стратегии развития креативных индустрий исходя из трех важнейших предпосылок:

- 1) превращение региона Юго-Восточной Азии в один из мировых центров экономического роста — регион наиболее динамичной урбанизации;
- 2) чрезвычайно высокой динамики социальных и культурно-политических изменений конца XX- начала XXI вв., потребовавшей имплементации новой культурной политики;
- 3) креативные индустрии становятся здесь важнейшим ресурсом повышения экспортного потенциала стран региона.

Россия безусловно учитывала лучший зарубежный опыт при разработке собственной стратегии развития креативной экономики. Среди основных мер институционального характера, предпринимаемых Правительством РФ для поддержки и развития креативных индустрий и креативных пространств, необходимо особо отметить «Концепцию развития творческих индустрий до 2030 года», утвержденную распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2021 года №2613-р и «План мероприятий по развитию творческих индустрий», утвержденный распоряжением Правительства РФ от 17 августа 2022 года №2290-р. Концепция нормативно закрепила понятие творческих (креативных) индустрий. Они определяются «как сферы деятельности, значимая часть добавленной стоимости в которых формируется за счёт творческой деятельности и управления правами на интеллектуальную собственность. В числе таких индустрий – кинематография, архитектура, изобразительное и театральное искусство, мода, дизайн, реклама, анимация, народные художественные промыслы»¹²¹. Ключевым целевым показателем, зафиксированным в концепции, стало увеличение доли российских креативных предприятий в отечественной экономике с 2,2 в 2021г. до 6% в 2030г., а также доли занятых в творческих индустриях с 4,6 до 15%¹²². Т.е. за восемь лет планируется утроение обоих показателей. Для реализации этой амбициозной задачи правительство разработало комплексный план мероприятий, включающий отдельные проекты по всем направлениям развития креативного сектора экономики: агрегирование информации по всем акторам различных направлений креативного производства и иницируемых ими проектов и мероприятий на базе единой платформы «Культурная карта 360», а также мобильного приложения «Культурный навигатор»; создание единого информационного ресурса, обеспечивающего информирование о намечающихся культурных мероприятиях и возможность покупки билетов на них; создание специального сервиса по защите интеллектуальных прав разработчиков креативного контента, открытие

---

¹²¹ Правительство утвердило план мероприятий по развитию творческих индустрий [Электронный документ] URL: <http://government.ru/news/46294/> (дата обращения: 23.08.2022г.)

¹²² Там же.

специализированных региональных образовательных центров, творческих лабораторий, школ креативных индустрий в регионах РФ и единого университета креативных индустрий «Таврида» и пр.¹²³

Развитие креативных индустрий и рост числа креативных пространств в условиях цифровой трансформации определяется несколькими причинами. Среди всего их многообразия выделим ключевые.

Во-первых, это глобальный тренд роста влияния оцифрованной информации и в первую очередь визуального контента на все сферы жизни и деятельности современного человека. С одной стороны, это порождает потребность (в определенном смысле даже психологическую зависимость) в поиске нового, более разнообразного контента, с другой, требует эффективных технологий навигации, сегрегации и анализа в безграничном море информации. Возникает запрос на открытость, который, однако нередко удовлетворяется фейковыми новостями или манипулятивными технологиями донесения информации.

Во-вторых, современные сетевые информационно-коммуникационные технологии предоставляют принципиально иные возможности для бизнеса, которые, в свою очередь, формируют новые функции, задачи и модели взаимодействия бизнеса и граждан (потребителей), бизнеса и государственной власти. Креативный бизнес оказывается способным не только удовлетворять потребности людей в новых смыслах, порождать новые возможности для удовлетворения эстетических потребностей, осуществлять развлекательную и рекреационную функции. Он выполняет сегодня важнейшую коммуникативную функцию, связывающую городское социальное пространство и во-многом, формирующую городскую идентичность. При этом система креативного производства (индустрии) и размещения (пространства) должна базироваться на определенных принципах:

---

¹²³ Правительство утвердило план мероприятий по развитию творческих индустрий [Электронный документ] URL: <http://government.ru/news/46294/> (дата обращения: 23.08.2022г.)

1. Стремиться повышать информационные компетенции граждан, быть (хотя бы частично) ориентированной на развитие гражданского образования и рост гражданского активизма;

2. Осознавать меру ответственности за качество и последствия распространения контента, не ориентироваться исключительно на новизну, а наполнять его общественно значимыми смыслами;

3. Быть социально ориентированными, т.е. не замыкаться исключительно на развлекательной функции, а стремиться также выполнять образовательную, социализирующую, отчасти культурно-воспитательную задачи.

Основой стратегического развития городских территорий становится сегодня мультипликация креативного капитала, который формируют инновационные, наукоемкие производства и креативные индустрии. Фактически и то и другое основано на общих принципах функционирования и различается в основном по отраслевому принципу. Однако для эффективного развития городских территорий более значимо увеличение числа и разнообразия именно креативных индустрий и пространств, поскольку инновационные производственные комплексы чаще всего выносятся за пределы городской черты в особые научно-технологические парки и зоны, как например, «Сколково» под Москвой или «Иннополис» под Казанью.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ КРЕАТИВНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

П. 3.1 Опыт стратегического планирования городского развития в Санкт-Петербурге

Рассмотрев в предыдущей главе особенности влияния цифровой трансформации на методику и технологии стратегического развития территорий в России и мире в целом, а также роль, значение и функции креативных индустрий и пространств в обеспечении эффективности городской экономической и социальной политики, автор считает необходимым перейти к анализу конкретного кейса, а именно опыта стратегического развития Санкт-Петербурга.

Санкт-Петербург представляет особый интерес не только как культурная столица России, мегаполис с огромным научно-техническим потенциалом, но и как город, в котором впервые на региональном уровне была реализована практика полноценного стратегического планирования развития территории в условиях рыночной экономики. Еще одним важным аргументом в выборе Санкт-Петербурга, как объекта целенаправленного анализа в рамках данного исследования стала явно недостаточная изученность политико-административной компоненты стратегического управления развитием территории и особенно роли со-общественных практик управления и гражданского участия в данных процессах. Поэтому анализ политических и социальных аспектов городской системы стратегического управления и развития Санкт-Петербурга представляется особенно актуальным и важным.

Среди немногочисленных авторов, писавших на тему стратегического планирования и развития Санкт-Петербурга можно указать на работы Жихаревича Б.С. (акцент на влиянии стратегического планирования на социально-экономическое развитие регионов и муниципальных образований, методологию и современные технологии стратегического прогнозирования и

управления)¹²⁴¹²⁵ ¹²⁶ ¹²⁷, Аксенова К.Э. (акцент на проблемы пространственного развития и планирования развития городских территорий)¹²⁸¹²⁹, Котова А.И. (отдельные аспекты стратегического развития инновационной политики в городе)¹³⁰, Лачинского С.С. (исследовательский фокус на отдельных отраслях экономической политики, в частности, вопросах экономической безопасности города)¹³¹. Для того, чтобы проанализировать и сделать конкретные выводы относительно современной системы стратегического планирования и управления в Санкт-Петербурге, необходимо кратко остановиться на ее истории и выявить некоторые устойчивые характеристики, способствующие или, напротив, тормозящие эти процессы.

Первые практики стратегирования относят еще к дореволюционному периоду истории России и Петербурга и связывают с именами великих ученых и государственных деятелей: Д.И. Менделеева (представившего помимо знаменитых открытий в области химии, план социально-экономического деления территории России на 14 экономических краев), В.И. Вернадского, А.П. Карпинского и Б.Б. Голицина (стоявших у истоков создания в 1915г. при Российской академии наук постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России, ставшей одним из важных субъектов социально-экономического планирования в России не только дореволюционного периода, но и советского (преобразована в Комиссию по изучению естественных производительных сил) и даже постсоветского (продолжает до сегодняшнего дня работать, как Совет по изучению

¹²⁴ Батчаев А.Р., Жихаревич Б.С. Социально-экономическое планирование в Санкт-Петербурге: до и после Стратегического плана 1997 года. набросок исторического очерка / Брошюра (обзор). – СПб.: Издательство «МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2017. – 24 с.

¹²⁵ Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Стратегии развития городов: российская практика 2014-2019 гг. // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 184-204.

¹²⁶ Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Муниципальное стратегическое планирование в России между кризисами // Известия Русского географического общества. – 2016. – Т. 148. – № 3. – С. 1-13.

¹²⁷ Жихаревич Б.С. Влияние стратегии пространственного развития России на муниципальные стратегии // Экономика Северо-Запада. – 2021. – №3. – С. 8-19

¹²⁸ Аксенов К., Брадэ И., Рох К. Развитие социально-пространственной дифференциации в районах массовой жилой застройки в постсоветском городе (на примере Ленинграда — Санкт-Петербурга) // Известия РАН. Сер. Геогр. 2010. № 1. С. 42–53.

¹²⁹ Аксёнов К.Э. Тенденции развития городской среды: есть ли уникальное в универсальном? (На примере Санкт-Петербурга) // Современные производительные силы. 2014. № 3. С. 22–36.

¹³⁰ Котов А. И. Инновационное будущее Санкт-Петербурга // Проблемы прогнозирования. 2014. №6 (147). С. 95.

¹³¹ Лачининский С. С. Некоторые аспекты экономической безопасности Санкт-Петербурга и Ленинградской области в условиях геоэкономической неопределенности // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 136–149.

производительных сил)), П.П. Мельникова (первого министра путей сообщения, автора плана развития российской сети железных дорог в 60ые гг. XIX в.), П.П. Семенова (управляющего Центральным статистическим комитетом МВД, предложившего план деления России на 14 естественных экономических областей) и др. Закономерно, что некоторые авторы в периодизации истории российского стратегического планирования и управления выделяют именно три этапа: дореволюционный, советский и современный или постсоветский¹³². В дореволюционный (особенно поздний) период были заложены некоторые фундаментальные основы стратегического планирования, хотя назвать указанные выше проекты полноценными стратегиями в современном смысле этого слова, безусловно, нельзя.

Ближе к современной практике стратегического планирования и управления социально-экономическим развитием территорий стоят наиболее известные образцы советских планов 1920-30ых гг. Классическим образцом советского планирования практически всеми исследователями признается государственный план электрификации РСФСР – ГОЭЛРО, созданный менее чем за год в 1920г., усилиями Государственной комиссии по разработке плана электрификации России под руководством Г. М. Кржижановского и при личном участии В.И. Ленина и принятый на VIII Всероссийском съезде Советов. Его реализация была успешно завершена в 1931г. Помимо плана ГОЭЛРО в начале 1920ых гг. велись серьезные научные разработки теории и практики долгосрочного народнохозяйственного планирования, авторами которых являлись такие известные экономисты и управленцы, как автор концепции волнового развития экономики и проекта Генерального плана восстановления и развития сельского хозяйства РСФСР Н.Д. Кондратьев, автор балансового метода, лауреат Нобелевской премии В.В. Леонтьев, В.Г. Громан, С.Г. Струмилин, В.А. Базаров и пр. К концу 20ых гг. советское правительство поставило во главу угла развития народного хозяйства директивные пятилетние планы (первый 1928-1932гг.), реализуемые под руководством Госплана

---

¹³² Маклакова Е.А. Исторические предпосылки создания современной системы стратегического планирования в России Том: 6, № 4. 2015 С. 132-138

СССР (государственная общеплановая комиссия при Совете труда и обороны СССР).

Советская система планирования, несмотря на определенные достижения (особенно на этапе становления в 1920ые гг.) и вклад в развитие математических методов планирования, не представляет сегодня актуальности прежде всего ввиду отсутствия в СССР рыночных механизмов хозяйствования.

Современное стратегическое планирование и управление развитием территорий возникло и развивалось на фундаменте стратегического корпоративного менеджмента, базовые принципы которого были разработаны в 1960-70ые гг. выдающимися экономистами и теоретиками менеджмента Чандлером А.¹³³, Ансоффом¹³⁴¹³⁵, Минцбергом Г.¹³⁶ и позднее развитые в работах Аакера Д.А.¹³⁷, Друкера П.¹³⁸, Томпсона А. А.¹³⁹, Стрикленда А. Дж.¹⁴⁰ и др.

Они же позволили сформулировать классические определения стратегического планирования и управления, под которым понимается: «Процесс, посредством которого менеджеры устанавливают долгосрочные направления развития организации, ее специфические цели, развивают стратегии их достижения в свете всех возможных внутренних и внешних обстоятельств и принимают к исполнению выбранный план действий»¹⁴¹, «...процесс управления с целью осуществления миссии организации посредством управления взаимодействием организации с ее окружением»¹⁴², «...процесс установления и определения связи организации с ее окружением, проявляющийся в достижении поставленных целей

¹³³ Chandler A. Strategy and Structure: Chapters in the History of American Enterprise. Cambridge , 1962.

¹³⁴ Ансофф И. Стратегическое управление. - М.: Экономика. 1989.

¹³⁵ Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. Санкт-Петербург, Питер, 2008. 422 с

¹³⁶ Mintzberg H. Patterns in Strategy Formation. Management Science, 1978, vol. 24, no. 9, pp. 934-948

¹³⁷ Аакер Д.А. Стратегическое рыночное управление: Бизнес стратегия для успешного менеджмента: пер. с англ. - 6-е изд. - М., 2003. - 542с

¹³⁸ Друкер П. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения. М: Издательско-торговый дом "ГРАНД", "ФАИР-ПРЕСС", 1998. – 284 с.

¹³⁹ Томпсон-мл. А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа, 12-е издание: Пер. с англ. Москва, издательский дом «Вильямс», 2013. 928 с.

¹⁴⁰Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии: Учебник для вузов / Пер. с англ. под ред. Л.Г. Зайцева, М.И. Соколовой. – М. : Банки и биржи, ЮНИТИ, 2017. — 576 с.

¹⁴¹ Томпсон-мл. А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа, 12-е издание: Пер. с англ. Москва, издательский дом «Вильямс», 2013. 928 с.

¹⁴² Higgins J.M. Organizational Policy and Strategic Management: Text and Cases. 2nded. Chicago, The Dry dent Press, 1983, p.98.

и попытках достичь желаемого состояния взаимоотношений с окружением посредством такого распределения ресурсов, которое позволило бы результативно действовать организации и ее подразделениям»¹⁴³.

Несмотря на огромное разнообразие методик и технологий, стратегическое управление развитием территорий объединяет несколько общих принципов:

- принципиальная важность анализа внешней среды управляющей системы и необходимость установления не просто адаптации, а эффективного равновесия с внешним окружением (экологической средой) системы;

- открытый характер системы управления, предполагающий свободный обмен с окружающей средой информацией и иными ресурсами;

- ориентация на будущее состояние как среды, так и самой управленческой системы, которая предполагает активную позицию субъекта управления, нацеленную на преобразование условий внешней среды как возможное и необходимое условие развития.

В ходе постсоветского, рыночного периода развития стратегического планирования и управления в РФ законодатели и чиновники попытались реализовать обозначенные выше принципы как в институциональном, так и в организационном аспектах на всех уровнях государственного и муниципального управления. Рассмотрим этот процесс в исторической ретроспективе.

Первый этап начала 1990ых гг., несмотря на обилие политических программ, содержащих элементы краткосрочного и среднесрочного планирования (например, печально известная программа «500 дней»), характеризовался тактическим характером управления, подверженным частым политическим и социально-экономическим кризисам. Поэтому планирование этого периода не отвечало самому духу стратегирования.

На федеральном уровне нормативно-правовое обеспечение процессов стратегического государственного и муниципального управления в новых рыночных условиях начало формироваться лишь в 1995г., с момента принятия

---

¹⁴³ Schendel D.E., Hatter K.J. Business Policy or Strategic Management: A Broader View for an Emerging Discipline. Academy of Management Proceeding. August, 1972.

Федерального закона №115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации». Согласно данному закону в качестве основы системы государственного долгосрочного планирования выступает концепция и программа социально-экономического развития РФ, а ключевым инструментом реализации - среднесрочные целевые программы. Однако установленная этим законом система планирования изначально содержала существенные недостатки.

Во-первых, она не отвечала современным требованиям, предъявляемым к стратегическому планированию и управлению развитием, не проясняла, каким образом должна быть достигнута координационная эффективность по отраслям и отдельным уровням управления¹⁴⁴.

Во-вторых, происходило рассогласование избирательных циклов и периодов долгосрочного планирования (с шагом в четыре-пять лет), что в российских условиях существенно осложняло эффективное выполнение намеченных планов (схожую проблему мы увидим и в случае Санкт-Петербурга).

В-третьих, многие исследователи отмечают методологическое несовершенство проработки программно-целевого планирования в целом и среднесрочных целевых программ в частности¹⁴⁵. Таким образом к началу XXI века Федеральный закон №115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» явно устарел. В первые годы XXI в. разработкой стратегий активно занималось Министерство экономического развития РФ, ставшее своеобразным интеллектуальным центром проводимых в стране реформ. Однако неудача с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008г. и фактически сразу же утратившей свою актуальность ввиду разразившегося мирового экономического кризиса, заставила федеральные власти пересмотреть сам подход к стратегическому планированию. В результате было

---

¹⁴⁴ Романюк М.А., Личко К.П. О стратегическом планировании в Российской Федерации // Известия ТСХА, выпуск 6, 2015 с. 83-91

¹⁴⁵ Там же, с. 83-91

принято решение о разработке второго варианта «Стратегии 2020», для чего был создан беспрецедентный по количеству привлеченных исследователей и специалистов-практиков, политиков и общественных деятелей пул экспертов, объединенных в 21 тематическую группу, которые в течение 2011г. активно, в открытом, диалоговом режиме прорабатывали комплексную программу реформирования и стратегического развития РФ. В результате к декабрю 2011г. был разработан внушительный 864 страничный документ «Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года Стратегия 2020: Новая модель роста — новая социальная политика». По параметрам учета экспертного и общественного мнения – это был беспрецедентный проект, однако он недостаточно полно учитывал специфику политико-административной системы РФ, проблемы координации как по отраслевому, так и территориальному принципам, делал явный акцент на внедрении западного опыта стратегического развития, далеко не всегда уместного в современных российских условиях.

В результате исполнение «Стратегии 2020» (хотя она официально так и не стала прямым руководством к действию для российских политиков и бюрократии), согласно экспертной оценке, оказалось весьма ограниченными, несмотря на вовлечение в процесс планирования всех ключевых акторов и организацию длительного научного и общественного обсуждения основных направлений и целевых показателей развития. Так, средний уровень исполнения показателей, заложенных по каждому направлению стратегирования не превысил 30%¹⁴⁶. По мнению экспертов, только один раздел «Стратегии 2020» был выполнен более чем на половину. Это раздел «Новая школа», посвященный реформированию системы среднего образования¹⁴⁷.

Действительно новаторский нормативно-правовой акт, установивший в РФ новый порядок стратегического планирования и управления развитием территорий, появился лишь в июне 2014г. Это – Федеральный закон

---

¹⁴⁶Стратегия-2020. Чего удалось достичь. 27.09.2017 [Электронный документ] URL: <http://2035.media/2017/09/27/strategy2020-part1/> (дата обращения: 20.06.2022)

¹⁴⁷ Там же.

172-ФЗ «О государственном стратегическом планировании». Данный закон существенно упорядочил процедуры стратегического планирования, установив четкую систему правовых актов государственного и муниципального стратегического планирования, соотнеся их по срокам и содержанию. (см. таблицу 7). Нельзя не согласиться с рядом отечественных авторов, отмечавших, что принятие данного закона: «позволяет говорить о начале качественно нового этапа организации соответствующих видов деятельности, как публично-правовых субъектов - органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и всего состава участников планирования и управления развитием страны и ее отдельных территориальных образований», поскольку он установил четкие правовые основы «как стратегического планирования в Российской Федерации, так и координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики». ¹⁴⁸

Таблица 7. Система стратегического планирования в РФ, согласно ФЗ «О государственном стратегическом планировании» 2014г.

I. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ	Стратегия социально- экономического развития РФ	Стратегия национальной безопасности
Принимается ежегодно	Корректируется каждые 6 лет	Корректируется каждые 6 лет

II. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ОТРАСЛЕВОГО И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Отраслевые федеральные стратегии	Стратегия пространственного	Стратегии социально- экономического
-------------------------------------	--------------------------------	--

¹⁴⁸ Константинович Д.А. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» как организационно-правовая основа национальной системы стратегического управления [Электронный документ] <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnyy-zakon-o-strategicheskom-planirovanii-v-rossiyskoy-federatsii-kak-organizatsionno-pravovaya-osnova-natsionalnoy-sistemy> (дата обращения: 15.10.2022г)

	развития Российской Федерации	развития федеральных округов
На период долгосрочного прогноза социально-экономического развития	-----	-----

III. РЕГИОНАЛЬНЫЙ (СУБЪЕКТНЫЙ) УРОВЕНЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Стратегия социально-экономического развития субъекта РФ
Разрабатывается на период долгосрочного прогноза социально-экономического развития муниципального образования

IV. МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Среднесрочный/долгосрочный прогноз социально-экономического развития муниципального образования	Муниципальные программы развития
---	----------------------------------

К очевидным плюсам данного федерального закона следует отнести прояснение и законодательное закрепление основных понятий государственного стратегического планирования, акцент на порядке целеполагания в процессе выработки и реализации стратегических планов, а также координации взаимодействий основных акторов, включенных в данный процесс как по отраслевому принципу (сферы планирования), так и по различным уровням управления (федеральный, региональный, муниципальный). Так, например, статьи 4 и 5 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О государственном стратегическом планировании» достаточно четко устанавливают разделение компетенций между федеральным центром и субъектами Российской Федерации, относя установление порядка координации деятельности органов власти различных уровней, а также (см. пункт 7 статьи 4) согласование порядка целеполагания и сбалансированности целей и задач федерального центра и субъектов к полномочиям Российской Федерации.

Между тем, необходимо отметить и ряд важных недостатков данного закона, особенно ярко проявляющихся сегодня, в процессе становления в России единой системы публичной власти. Прежде всего, они относятся к недостаточной проясненности и местами даже противоречивости положений данного закона относительно правового регулирования взаимодействия органов федеральной и региональной государственной власти с органами местного самоуправления. Даже краткий анализ документа позволяет отметить отсутствие фиксации в данном законе роли и ответственности органов государственной власти за организационное и методическое обеспечение стратегического планирования на уровне муниципалитетов, что не только противоречит системным преобразованиям государственного и муниципального управления в сторону формирования единой публичной власти, но и не соответствует самым общим условиям обеспечения эффективного стратегического управления на территории субъекта РФ, состоящего из достаточно большого количества муниципальных образований, социально-экономическое планирование в которых вполне может быть рассогласованно. Требование закона (пункт 1, статьи 6) о необходимости согласования целей и задач планирования в муниципалитетах с приоритетами и целями развития Российской Федерации и ее субъектов не может быть признано достаточным. Эта же проблема потенциальной рассогласованности и мозаичности муниципальных планов затрудняет разработку системы единых показателей оценки эффективности исполнения документов стратегического планирования и, соответственно, конечной эффективности работы органов местного самоуправления. В менее острой форме данная проблема относится и к субъектному уровню государственной власти, где мы наблюдаем чрезвычайное содержательное и хронологическое разнообразие ключевых документов стратегического планирования – стратегических планов социально-экономического развития регионов.

Для крупнейших городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга эта проблема особенно остра, даже несмотря на весьма усеченные полномочия органов местного самоуправления, поскольку

существующее по прежнему на их территории количество муниципальных образований очень велико: для Москвы – 125 районов, для Санкт-Петербурга - 111 муниципальных образований и очевидно, делает невозможной эффективную координацию их взаимодействий в масштабах всего мегаполиса.

Учитывая все указанные исторические, нормативно-правовые и политико-административные особенности развития системы стратегического планирования и управления на уровне Российской Федерации, обратимся к опыту организации стратегического планирования в субъекте Российской Федерации, городе федерального значения Санкт-Петербурге.

В Ленинграде-Петербурге система стратегического планирования и управления развитием территории с одной стороны была безусловно связана с общегосударственными нормативно-правовыми требованиями и социально-экономическими трендами, но с другой имела свои отличительные особенности. В советский период система стратегического планирования развития города фактически сводилась к планированию застройки и зонированию территории, в соответствии с задачами развития промышленного комплекса Ленинграда. Так, еще в 1919г. И. А.Фоминым была разработана «Схема разбивки г. Петрограда на зоны», в 1924гг. принимается «Проект урегулирования Ленинграда», в 1927г. «Схема районирования Ленинграда» и «Схема развития Ленинграда».

В начале 1970ых годов произошли существенные изменения в содержании планирования развития города. Прежде всего в 1972г. при Областном комитете КПСС Ленинграда был учрежден Совет экономического и социального планирования, до создания которого данные функции возлагались на плановые комиссии Леноблисполкома и Легорисполкома. В 1975г. появился первый комплексный план экономического и социального развития Ленинграда и Ленинградской области, наиболее близкий по степени своей универсальности и объему к современным документам стратегического планирования развития территорий. Всего до 1991г. было разработано три таких плана, привязанных к пятилетнему плановому циклу развития (1976-1980; 1981-1985; 1986-1990гг.),

но с детализацией по каждому году пятилетки. Однако все эти планы, безусловно, принимались и были актуальны только для командно-административной, плановой экономики и, несмотря, на некоторые содержательные новации, абсолютно не подходили под условия переходной или, тем более, рыночной экономики. Поэтому, закономерно, что с начала 1991г. предпринимались первые попытки разработать и обосновать концепцию развития города в принципиально иных экономических и политических условиях: «Технико-экономическое и социально-экономическое обоснование Ленинградской зоны свободного предпринимательства», «Ленинградский регион: перспективы» и др.

В постсоветский период можно выделить несколько этапов в развитии практики городского стратегического планирования. Среди существующих периодизаций особое внимание на себя обращает периодизация, предложенная петербургскими экономистами Батчаевым А.Р. и Жихаревичем Б.С. Эти исследователи выделили 6 этапов в развитии стратегического планирования и управления в Петербурге, охватывающие период с 1992г. по 2014г.

Первый этап 1992-1996гг. представлял собой «самый сложный и противоречивый период в новейшей истории Санкт-Петербурга и всей России...Реформы носили болезненный характер и сопровождались глубокими кризисными явлениями: ростом безработицы, падением доходов населения, экономическим сходом, политической нестабильностью, гиперинфляцией, разгулом преступности»¹⁴⁹. Его можно было бы обозначить как протопериод развития городского стратегического планирования, поскольку на его протяжении, несмотря на принятие некоторых стратегических документов, таких, например, как «Программа действий Исполкома Ленсовета в условиях кризиса», «Концепции регионального развития Ленинградской передовой экономической зоны» и программы «Санкт-Петербург – 2000», стратегическое планирование было оторвано от экономических и политических реалий и явной доминантой являлся тактический или реагирующий тип городского политического управления. Данный

---

¹⁴⁹ Батчаев А.Р., Жихаревич Б.С. Санкт-Петербург в постсоветский период: экономические стратегии и развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз 4 (34), 2014. С. 70.

этап полностью совпадает с периодом управления городом администрацией во главе с мэром А.А. Собчаком.

Второй этап определяется 1997г. и связан с общественным обсуждением, разработкой и утверждением Стратегического плана развития Санкт-Петербурга, ставшего первым полноценным документом стратегического планирования не только для Северной столицы, но и для России в целом. Разработка его заняла почти год и отвечала всем основным требованиям, предъявляемым к процессу современного стратегического планирования и управления: в конце 1996г. был определен основной организатор экспертных работ по подготовке Стратегического плана МЦСЭИ «Леонтьевский центр», образована специальная управленческая структура разработки плана: Генеральный совет; Исполнительный комитет; 14 тематических комиссий, состоящих из представителей городской администрации, НКО, экспертного сообщества; экспертный совет, проектные бюро, были также привлечены иностранные эксперты (за модельную основу Стратегического плана развития Санкт-Петербурга был взят Стратегический план развития Барселоны) и т.д. Таким образом процесс разработки, обсуждения и принятия данного плана был связан с самым широким общественным и экспертным участием, организованным на научной основе, что стало абсолютно новой практикой для постсоветской России. Закономерно, что во введении стратегического плана была особо отмечена абсолютно новая миссия стратегического планирования городского развития: «Стратегический план не является чисто административным документом. Это, скорее, договор общественного согласия, в соответствии с которым власти, предприятия и общественные организации принимают на себя определенные обязательства. Он разрабатывается и реализуется всеми участниками, влияющими на развитие города, с учетом интересов и при участии населения».¹⁵⁰ Именно тогда в 1997г. в основу стратегического планирования развития города был положен тезис,

---

¹⁵⁰ Стратегический план Санкт-Петербурга. 1997 [Электронный документ] URL: <https://stratplan.ru/UserFiles/Files/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B8%CC%86%20%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%20%20%D0%A1%D0%9F%D0%B1%201997.pdf> С. 15 (дата обращения: 20.07.2022)

оставшийся фронтиром стратегирования вплоть до последней версии «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035г.»: «стабильное улучшение качества жизни всех слоев населения Санкт-Петербурга»¹⁵¹. Его реализация предполагалась через четыре ключевых целевых направления: безопасный город, открытая экономика, культурная столица, европейские ворота России.

Не углубляясь в содержательные особенности Стратегического плана 1997г., отметим, что во многом благодаря эффективному порядку разработки и обсуждения проекта, он стал действенным документом стратегического развития и во многом предопределил развитие Санкт-Петербурга как минимум вплоть до 2003г. Как отмечают эксперты, степень его реализации составила за данный период не менее 75% от запланированных целей и задач, что позволяет оценить ее как вполне эффективную¹⁵².

Третий и четвертый период развития стратегического планирования Санкт-Петербурга Батчаев А.Р. и Жихаревич Б.С. связывают с экономическим кризисом 1998г. и выходом из кризисного состояния в 1999-2003гг. Однако, использовать такое основание для периодизации развития системы стратегического планирования не представляется правомерным, поскольку внутри самой системы планирования принципиальных изменений и новаций не происходило. Учитывая, что и в этот непростой период развитие города было подчинено параметрам, заложенным в Стратегическом плане развития Санкт-Петербурга 1997г., представляется логичным отнести 1998-2003гг. ко второму периоду в развитии городского стратегического планирования.

Точно также логично объединить в один пятый (2004-2008гг.) и шестой этапы (2009г.), поскольку выделение последнего Батчаев А.Р. и Жихаревич Б.М. связывают опять же исключительно с глобальным экономическим кризисом 2008г., и определить третий этап развития стратегического планирования и управления в Санкт-Петербурге, длившийся с 2003г. по 2011г.

---

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Батчаев А.Р., Жихаревич Б.С. Санкт-Петербург в постсоветский период: экономические стратегии и развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз 4 (34), 2014. С. 68-83

Политически этот этап совпал с периодом управления Санкт-Петербургом правительством во главе с Губернатором В.И. Матвиенко. Ключевой новацией его стала институционализация и организационное становление системы городского стратегического планирования. Основу этой системы заложило «Положение об организации деятельности исполнительных органов государственной власти в сфере государственного планирования Санкт-Петербурга» (от 16 марта 2004г.), которое определило порядок реализации документов планирования и координацию органов государственной власти в ходе данного процесса. Именно на этом этапе были приняты такие значимые документы городского планирования, как: «Прогноз социально-экономического развития на долгосрочную перспективу» (до 2025г.), Концепция социально-экономического развития Санкт-Петербурга (до 2025г.), «Программа социально-экономического развития Санкт-Петербурга на 2005-2008гг.».

Следующий, четвертый этап развития стратегического планирования Санкт-Петербурга определяется принятием и реализацией «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года»¹⁵³ и охватывает временной промежуток с 2013 по 2018гг. В политико-административном аспекте данный этап практически полностью совпал с периодом губернаторства Г.С. Полтавченко.

Основным разработчиком новой стратегии социально-экономического развития стал профильный Комитет по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга, созданный под цели нормативного, методического и организационного обеспечения стратегического развития в 2013г. Однако деятельное участие в разработке проекта и его дальнейшей корректировке приняли также ведущие экспертные центры Российской Федерации и Санкт-Петербурга: ЗАО МЦСЭИ «Леонтьевский центр», ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (СПБГЭУ), ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», Фонд «Центр

---

¹⁵³ Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года [Электронный документ] (дата обращения: 20.07.2022) URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2017/04/05/strat_2030.pdf

стратегических разработок «Северо-Запад»», ФБУ «Государственный региональный центр стандартизации, метрологии и испытаний в г.Санкт-Петербурге и Ленинградской области» (ФБУ «Тест-С.-Петербург»), Социологический институт РАН, Институт проблем региональной экономики РАН, Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и многие другие. Таким образом, стратегия прошла достаточно подробную научную экспертизу и обсуждение на различных площадках.

Содержательно «Стратегия – 2030» была логически структурирована по трем смысловым блокам (томам), каждый из которых посвящен решению определенных исследовательских и проективных задач.

Так, первый том был направлен в большей мере на описание и анализ специфики социально-экономического развития Санкт-Петербурга на момент 2012-2013гг. Второй – на анализ конкурентных преимуществ и проблемных лакун в развитии города, специфики внешней экономической и социокультурной среды, содержал элементы SWAT анализа.

Наконец, третий том был посвящен собственно стратегированию и содержал основные целевые направления развития, частные задачи и конкретные оценочные показатели. Такая логика построения документа в целом соответствовала требованиям стратегического планирования и управления и позволяла читателю понять не только направленность, но и логику развития городской политики.

В качестве генеральной цели «Стратегии – 2030» была избрана следующая: «стабильное улучшение качества жизни в Санкт-Петербурге на основе реализации принципов устойчивого развития, улучшения делового климата, внедрения результатов инновационно-технологической модернизации»¹⁵⁴. Таким образом «Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года» также как и «Стратегический план развития Санкт-Петербурга 1997г.» избрала фундаментальным основанием развития концепт качества жизни и определила главной стратегической задачей его стабильный рост.

---

¹⁵⁴ Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года [Электронный документ] (дата обращения: 20.07.2022) URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2017/04/05/strat_2030.pdf

Важно, что наряду с генеральной целью, носящей весьма общий и универсальный характер, в Стратегии – 2030 была определена и уникальная миссия Санкт-Петербурга: «Санкт-Петербург - многофункциональный город с комфортными условиями и высоким качеством жизни, вторая столица России, лидер региона Балтийского моря, форпост освоения Арктики, центр культуры, науки, образования, туризма и высоко-технологичной промышленности»¹⁵⁵.

Необходимо отметить, что это был первый опыт разработки стратегии развития города, в ходе которого активно использовались интернет-технологии. В июле 2013г. был запущен сайт spbstrategy2030.ru, который использовался не просто для информирования горожан о проекте стратегии, ходе ее разработки, но и служил активным инструментом обратной связи, позволившим собрать несколько тысяч предложений по различным направлениям стратегического развития.

Несмотря на весьма обстоятельный с точки зрения аккумуляции различных мнений и предложений этап разработки «Стратегии – 2030», в ней четко не обозначены конкретные инновационные направления развития (в частности, не раскрыты методы и инструменты формирования «Умного города» и в целом перспективного влияния цифровизации на территориальное развитие Петербурга), что затрудняет оценку того, каким образом может быть решена задача развития Санкт-Петербурга как инновационно-технологического центра. Но основным недостатком «Стратегии – 2030» приходится признать слабую политико-управленческую составляющую: недостаточную ясность механизмов контроля за реализацией целей и задач стратегии на всех этапах, отсутствие системы тактических шагов по их достижению, отсутствие стратегического видения совершенствования самой системы регионального государственного управления и местного самоуправления, которое бы соответствовало целеполаганию «Стратегии – 2030».

---

¹⁵⁵ Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года [Электронный документ] (дата обращения: 20.07.2022) URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2017/04/05/strat_2030.pdf

Необходимо также отметить, что именно на этом этапе был принят ключевой для организации стратегического планирования Санкт-Петербурга Закон Санкт-Петербурга «О стратегическом планировании в Санкт-Петербурге» №396-75 от 01 июля 2015г., который формально упорядочил роль и функции органов государственной власти Петербурга в процессе стратегического планирования и определил перечень документов городского стратегического планирования.

Последний этап (2018 - настоящее время) в развитии городского стратегического планирования связан с разработкой, принятием и реализацией «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035г.». Этот, действующий в настоящее время, стратегический плана развития города был принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга в декабре 2018г. и утвержден Законом Санкт-Петербурга от 19.12.2018 № 771-164. В качестве основного разработчика Стратегии также, как и в 2013г. выступил Комитет по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга, однако к обсуждению ее проекта привлекалось экспертное сообщество (в частности, эксперты СПбГУ), отдельные задачи и направления развития рассматривались на экономическом совете при губернаторе города. Важно отметить, что ускоренный характер принятия данной стратегии был отчасти связан с новым электоральным циклом и сменой руководства Санкт-Петербургом. В этом смысле политические задачи явно превалировали над обеспечением хода широкого и всестороннего обсуждения документа.

Цель новой стратегии схожа с генеральной целью «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года» и также определяет акцент на уровне и качестве жизни горожан, а не, например, на развитии отраслевых комплексов или городской инфраструктуры. Авторы сформулировали ее следующим образом: «обеспечение стабильного улучшения качества жизни горожан на основе обеспечения устойчивого экономического роста с использованием результатов инновационно-технологической деятельности

и повышения глобальной конкурентоспособности Санкт-Петербурга»¹⁵⁶. С одной стороны, безусловно, важно, что стратегия обращена непосредственно к жителям города, но с другой, подобная формулировка генеральной цели (как, впрочем, и предыдущей Стратегии - 2030) не несет в себе никакой специфики, характерной для субъекта федерации, города федерального значения Санкт-Петербурга и может быть применена к любому мегаполису мира.

Всего в «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035г.» определены 18 стратегических целей и 116 задач социально-экономической политики города, оцениваемые по 54 показателям развития. Все они структурированы по трем основным приоритетам:

- «Развитие в Санкт-Петербурге инновационно-технологической деятельности» (Город инноваций);

- «Повышение уровня комфортности проживания в Санкт-Петербурге» (Комфортный город), предполагающее развитие Санкт-Петербурга как гуманного и удобного для жизни города, отвечающего принципам современного «умного города» в части, касающейся пространственного развития и разнообразия городской среды, экологического благополучия, безопасности и мобильности¹⁵⁷.

- «Развитие эффективной системы внешних и внутренних коммуникаций Санкт-Петербурга» (Открытый город).

Это важный положительный момент анализируемой стратегии, который с одной стороны обеспечивает логическую стройность и связанность различных целей и задач, увязываемых в одно целое, а с другой, формулирует ключевой лозунг или девиз развития: Санкт-Петербург – комфортный, открытый город инноваций. Последнее наиболее важно для перспективного брендинга городской территории, выделяющего его на фоне других регионов и городов России.

---

¹⁵⁶ Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года (дата обращения: 20.07.2022) URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/

¹⁵⁷ Там же

Однако в Стратегии присутствует целый ряд проблемных лакун, не охваченных ни одним разделом. В первую очередь необходимо отметить историческую несбалансированность развития городской территории с точки зрения концентрации публичных пространств, промышленных зон, спальных кварталов и т.п. «Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035г.» явно недостаточно внимания уделяет решению этой проблемы пространственного развития, точно также как и растущей год от года диспропорции в заселенности территорий, которая является основной причиной регулярных маятниковых миграций и, следовательно, значительных транспортных проблем города.

Учитывая культурно-историческую специфику Северной столицы, уникальную концентрацию здесь всевозможных памятников культурного наследия, приходится согласиться с рядом отечественных экспертов: Мартыновым В.Л. , Дегусаровой В.С. , Дмитриевой А.А. , Сазоновой И.Е.¹⁵⁸ и др., которые отмечают необходимость переноса акцентов в стратегическом развитии города: «Для того, чтобы С.-Петербург смог восстановить своё былое значение или хотя бы приблизиться к нему, основу развития города как субъекта региональной политики должна составлять «ревитализация» его исторического центра и ближнего промышленного пояса, которая уже начала, хотя и медленно, проявляться. Именно исторический центр и ближний промышленный пояс представляют С.-Петербург в дореволюционных границах»¹⁵⁹. Добавим, однако, что и здесь не следует допускать перегибов. Эффективное стратегическое развитие территорий должно быть сбалансировано и без развития агломерации в целом, в том числе новых спальных районов, оно невозможно.

---

¹⁵⁸ Мартынов В. Л. , Дегусарова В. С. , Дмитриева А. А. , Сазонова И. Е. Санкт-Петербург как субъект региональной политики: проблемы пространственного развития города в «Стратегии2035» // Псковский регионологический журнал 2019. Выпуск 3 (39) С. 3-22

¹⁵⁹ Там же, с. 20.

П. 3.2. Креативные пространства и индустрии в стратегиях развития Санкт-Петербурга

Прежде чем перейти непосредственно к анализу роли, функций и особенностей креативных пространств в стратегиях развития Санкт-Петербурга в контексте цифровой трансформации системы городского управления, кратко остановимся на проблеме выбора адекватной исследовательской методологии.

На сегодняшний день приходится признать, что общепризнанная теоретико-методологическая база исследования креативных пространств пока еще не выработана. Еще менее ясны теоретические основания анализа политико-административной компоненты развития креативных пространств и индустрий. Отсюда большинство авторов проводят такой анализ исходя из рассмотрения двух составляющих самого термина: креативное и пространство. При этом пространство чаще всего определяется не как материальная локация, а как социальное пространство и потому методологически его анализ осуществляется посредством теории социального пространства, представленной прежде всего в теоретических трудах П. Бурдьё¹⁶⁰ и А. Лефевра¹⁶¹, а также ряда отечественных авторов: Т.А. Акалеловой¹⁶², М.Б. Колесниченко¹⁶³, Н.Р. Ижгузиной¹⁶⁴, А.И. Гимаевой¹⁶⁵ и др.

Феномен креативности раскрывается чаще всего в рамках концепции креативного класса и креатократии, основные положения которой были представлены в работах Р. Флориды¹⁶⁶. Применительно к вызовам и новым возможностям современной цифровой трансформации в условиях глобального

---

¹⁶⁰ Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с франц., отв. ред. Н.А. Шматко. М., 2007.

¹⁶¹ Lefebvre H. The production of space. UK., 2007.

¹⁶² Акалелова Т.А. Социальное пространство современного города // Теория и практика общественного развития. 2014. № 9. С. 23-25.

¹⁶³ Колесниченко М.Б. Социальное пространство города // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. № 1. С. 102.-108.

¹⁶⁴ Ижгузина Н.Р. Социальное пространство городской агломерации (на примере Екатеринбургской городской агломерации) // European Social Science Journal. 2014. № 6-2 (45). С. 499-505.

¹⁶⁵ Гимаева А.И. Социальное пространство и социальное время // European Social Science Journal. 2014. № 4-1 (43). С. 21-27.

¹⁶⁶ Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. US., 2004.

города данная проблематика рассматривалась в работах социологов, культурологов и урбанистов: Ю.Г. Волкова¹⁶⁷ ¹⁶⁸, Н.Ф. Рябова¹⁶⁹, Е.А. Косолаповой, И.А. Стекловой¹⁷⁰, А.Н. Окары¹⁷¹ и др.

Отечественный исследователь Д.Н.Суховская определила креативные пространства в контексте их особого влияния на развитие творческого потенциала отдельной личности и совокупного креативного капитала города: «Креативное пространство городского поселения - это социальная площадка для творческих (креативных) проявлений личности, идущих из индивидуального творческого посыла, формирующих ее интересы в сфере самореализации и самоактуализации и оказывающая неоспоримое влияние на формирование ее ценностных ориентаций. Креативное пространство дает возможности для творческой самореализации с учетом индивидуальных способностей и увлечений жителя городского поселения»¹⁷².

М.И. Тукмакова подчеркивает в своем определении открытость и свободу творчества как основание для создания и функционирования креативных пространств: «Креативное пространство – общедоступная территория, предназначенная для свободного самовыражения, творческой деятельности и взаимодействия людей. Его отличительной особенностью является нацеленность на деятельность человека в роли не потребителя или работника, а создателя уникального продукта своей личности»¹⁷³.

Таким образом, локация становится креативной, когда ее «наполнение соотносится с актуальной культурой или контркультурой и новейшими

¹⁶⁷ Волков Ю.Г. Креативный класс Versus имитационных практик ... // Гуманитарий Юга России Ростов-на-Дону, 2012. № 1. С. 44.

¹⁶⁸ Волков Ю.Г. Креативный класс: логика социального становления // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 128.

¹⁶⁹ Рябов Н.Ф. Креативное освоение «потерянных» городских пространств // Инновационные процессы современности. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2014. С. 226-229.

¹⁷⁰ Косолапова Е.А., Стеклова И.А. Креативное пространство: диалектика мотивации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 745.

¹⁷¹ Окара А.Н. Милитократия vs. Креатократия: выбор модели модернизации в современной России как социально-философская проблема // Вестник ТОГУ, 2009. № 4 (15). С. 13-14.

¹⁷² Суховская Д.Н. Креативное пространство российских городских поселений и его влияние на формирование ценностных ориентаций личности. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата наук по специальности 09.00.11 – социальная философия. Краснодар. 2016 URL: <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/49949>

¹⁷³ Тукмакова М.И. Архитектура закрытых креативных пространств: типология и функциональная структура // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2018. № 2 (44). С. 98–106.

технологиями; его посещение обрастает полем дополнительных смыслов; оно формирует образ своего собственного потребителя, создает спектр новых ролей и статусов, принимаемый как минимум другими потребителями, и побуждает человека к сотворчеству»¹⁷⁴. Основными акторами, формирующими креативную, инновационную систему общества являются представители т.н. креативного класса, ядро которого составляют т.н. «глобальные личности», отличительные черты которых: потребность в самореализации, творчестве и активном общении с единомышленниками, стремление к получению новых знаний, восприимчивости к новым трендам, высокая социальная и физическая мобильность¹⁷⁵. Для этого класса «яркий досуг и отсутствие жестких ограничений во времени и пространстве являются важной характеристикой образа жизни, к которому они стремятся: они могут перемещаться между городами, разрушать традиционные границы «место для работы» и «место для досуга», отказываться от стандартного рабочего графика и офисных часов»¹⁷⁶.

Для определения роли и места креативных индустрий и пространств в стратегическом развитии городских агломераций в целом и Санкт-Петербурга, в частности, дифференцируем ключевые преимущества развития креативных пространств и индустрий в условиях цифровой экономики по основным общественным сферам:

Экономическая сфера

- рост инвестиционного (как внешнего, так и внутреннего) потенциала и экономической привлекательности города;
- ревитализация депрессивных районов и промышленных зон;
- развитие инновационного потенциала города как в инфраструктурном смысле, так и в аспекте роста человеческого капитала;
- создание новых рабочих мест и стимулирование развития новых профессий в пространстве современного мегаполиса.

---

¹⁷⁴ Прохоров С.И. Формирование креативного пространства в современном мегаполисе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С.109

¹⁷⁵ Там же, с. 100–110.

¹⁷⁶ Желнина А.А. «Творчество для своих»: социальное исключение и креативные пространства Санкт-Петербурга С. 45

Социальная сфера

- совершенствование социально-профессиональной структуры городского сообщества в соответствии с требованиями цифровой трансформации экономики;
- трансформация структуры и повышение эффективности информационно-коммуникативного взаимодействия различных социальных групп;
- существенное влияние на процесс формирования творческой личности в новых условиях цифровых трансформаций и роста престижа и востребованности креативного капитала;
- рост гражданской активности горожан.

Культурная сфера

- повышение совокупного культурного потенциала города и его туристической привлекательности;
- рост разнообразия культурных сред и течений в городе;
- формирование культурной стратегии развития города, ориентированной на активное проектирование будущего;
- развитие культурных связей и обменов на глобальном, региональном и локальном уровнях.

Политико-административная сфера

- совершенствование системы обратной связи власти и горожан за счет развития сетевых каналов взаимодействия;
- повышение качества управления развитием городской территории;
- содействие формированию «активного горожанина», готового принимать участие в совершенствовании и реализации городской повестки;
- повышение устойчивости системы городского управления к новым вызовам и рискам.

Результирующий позитивный эффект по всем сферам – рост качества жизни горожан, закрепленный во всех основных документах стратегического развития города, начиная со Стратегического плана развития Санкт-Петербурга 1997г.

Для проведения анализа совокупной эффективности развития городского креативного капитала и сравнительного исследования отдельных креативных кластеров необходимо выработать оценочный инструментарий. Следует отметить, что в современных отечественных и зарубежных работах, посвященных тематике креативного развития, данный вопрос освещен достаточно слабо. Стандартная оценочная процедура основывается, как правило, на результатах социологических опросов, направленных на выявление наличия/отсутствия знания респондентов о существующих креативных пространствах/кластерах и оценку отношения к их деятельности. Отсюда, необходимым представляется разработка и апробация оригинальной, комплексной системы оценки. В качестве таковой автор предлагает использовать следующую (см. таблицу 5).

Таблица 8. Комплексная система оценки креативных пространств/кластеров

№	Оценочный критерий и подкритерии	Варианты оценки	Балл
1	Идейно-ценностная целостность образа креативного пространства/кластера	- наличие единого бренда и высокая целостность;	2
		- мозаичность компонентов пространства/кластера, взаимодополняющие друг друга;	1
		- противоречивость отдельных компонент креативного пространства/кластера, плохо совместимых друг с другом.	0
2	Отраслевая и функциональная сбалансированность креативного пространства/кластера	- высокая степень сбалансированности;	2
		- средняя степень сбалансированности;	1
		- низкая степень сбалансированности (явное акцентирование одной/двух функций).	0

3	Открытость креативного пространства/кластера	-открытый/затрудненный/закрытый доступ на территорию креативного пространства/кластера любых желающих;	0-2
		- степень представленности информации о пространстве/кластере в интернет пространстве и наличие механизма обратной связи.	0-2
4	Экологичность креативного пространства/кластера	- степень влияния пространства на окружающую среду: позитивное/нейтральное/негативное	0-2
		- степень гармоничности вписывания креативного пространства/кластера в городской ландшафт.	0-2
5	Функциональная наполненность креативного пространства/кластера	- Мультифункциональное пространство/кластер;	2
		- Монофункциональное пространство/кластер	1
6	Степень интерактивности креативного пространства/кластера	- высокая степень вовлеченности горожан в креативные активности локации;	2
		- средняя степень вовлеченности горожан в креативные активности локации;	1
		- низкая степень вовлеченности горожан в креативные активности локации.	0
7	Масштаб и востребованность креативного пространства/кластера	- общий метраж рабочих помещений пространства/кластера;	0-2
		- количество резидентов пространства;	0-2
		- количество посетителей пространства (месяц/год);	0-2

		- количество пользователей, посетивших интернет-ресурсы пространства/кластера, количество подписчиков в социальных сетях.	0-2
8	Зрелость креативного пространства/кластера	- возраст креативного пространства/кластера;	0-2
		- узнаваемость бренда креативного пространства/кластера.	0-2
9	Целевая аудитория креативного пространства	- многоцелевая;	2
		- узконаправленная.	1
10	Наличие/отсутствие стратегии развития креативного пространства	- наличие полноценной стратегии;	2
		- наличие плана инфраструктурного развития;	1
		- отсутствие стратегии.	0

Источник: авторская разработка

Анализ ключевых креативных пространств Петербурга, с использованием данной системы оценки приведен в Приложении №1.

Несмотря на многие позитивные результаты роста креативных пространств и креативной экономики в целом, необходимо четко определять пределы креативного развития и те негативные последствия, к которым оно может привести. В начале 2000ых г. идея креативного развития была в ряде случаев доведена до абсурда. Глобальные проекты развития креативных индустрий, пространств, городов множились, а новый креативный класс признавался фундаментальной основой развития постиндустриальной экономики. Не случайно американский журналист Кристофер Дреер еще в 2002г. выдвинул лозунг: «Будь креативным или умри», намекая на обреченность в условиях новой экономической реальности всех тех, кто не готов творчески мыслить. При этом упускались из вида новые вызовы и проблемы, которые породила креативная стратегия развития. К сожалению, во многом они не были учтены и в современной России, при разработке политики регулирования креативных пространств, кластеров и индустрий. Для целей нашего анализа чрезвычайно важно не упускать их из вида

и предложить ответственным органам государственной власти учитывать это при разработке документов перспективного развития.

К ключевым вызовам отнесем следующие:

- исключение отдельных социальных групп из процесса креативного развития, впоследствии ведущее к экономическому неравенству;
- культурный разрыв между социальными слоями и группами;
- четкое следование принципам и ценностям неолиберальной идеологии;
- политизация урбанистической сферы, определяющая идеологический разрыв между горожанами;
- утилитаризм и потребительство, как ключевые стимулы социального поведения;
- коммодификация продукции творческой деятельности;
- вытеснение коренных жителей отдельных городских районов вследствие процесса джентрификации, ведущего к существенному подорожанию жилья и его содержания;
- противоречия между универсализмом и глобализмом креативного развития, актуализирующие проблему сохранения локальной городской специфики, особенно ярко проявляющие себя в историческом центре города и прилегающих районах.

Практически все указанные выше вызовы и проблемы характерны и для современного Петербурга, где арт-пространства и креативные кластеры, развиваются уже более 30-ти лет.

Первые арт-пространства «Пушкинская 10» и «Борей» появились еще в конце советского периода (в 1989г. и 1990г. соответственно), благодаря деятельности инициативных групп представителей творческих индустрий. Несмотря на то, что они достаточно успешно существуют по сегодняшний день, эти структуры достаточно серьезно ограничены по своему функционалу и гораздо ближе к выставкам современного искусства, нежели полноценным креативным кластерам. Различие между арт-пространствами и креативными пространствами или кластерами зафиксированы в определениях, данных им российскими

экспертами Демидовым А.А. и Комаровой И.И. Первый они определяют как «культурноориентированное бизнес-объединение в организационно-правовой форме коммерческой или некоммерческой организации, чаще всего расположенное на территории бывшей промышленной зоны/фабрики/завода, которое объединяет выставочную территорию, шоурум, театральную-концертную площадку, аудитории для лекций и семинаров, фуд-корты и прочее»¹⁷⁷.

В отличие от него креативный кластер — это «географическая концентрация предприятий творческой индустрии (архитектура, дизайн, издательское дело, кино, музыка, программное обеспечение, радио, ремесла, телевидение и так далее), тесно связанных между собой отношениями конкуренции и сотрудничества, которые благодаря оптимизации работ по созданию, воспроизводству, распространению и использованию творческой деятельности обеспечивают конкурентоспособность и развитие территории»¹⁷⁸.

Данные формулировки отечественных экспертов вполне соответствуют классическому определению креативного кластера, сформулированному М. Портером: «физические пространства для творческих предпринимателей, некоммерческих предприятий и культурных учреждений, которые вместе с другими предприятиями, высшими учебными заведениями и за счет технологических инфраструктур создают яркие и творческие экосистемы в различных секторах индустрии культуры и творчества»¹⁷⁹.

Таким образом, основная отличительная характеристика любого кластера — наличие синергетического эффекта, т.е. приращение производимого продукта или знания, посредством эффективной кооперации и координации деятельности всех составляющих его акторов. Соответствующие этим характеристикам локации и объекты появляются в Санкт-Петербурге значительно позже первых арт-пространств, в начале нулевых.

---

¹⁷⁷ Демидов А.А., Комарова И.И. Креативные кластеры для Петербурга // Современные производительные силы №4, 2014, С. 124-159. С. 148.

¹⁷⁸ Там же, с.149.

¹⁷⁹ Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y.: The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998 - 855 p.

По данным социологического исследования, проведенного в 2019г. лабораторией качества городской жизни QULLAB¹⁸⁰ (последнее до-пандемийное исследование такого рода), популярность и востребованность топ – 10 креативных пространств Петербурга распределилась следующим образом:

1. Новая Голландия – отметили 60,1 % респондентов
2. Севкабель Порт – 57% респондентов
3. Арт – центр «Пушкинская – 10» - отметили 57 % респондентов
4. Лофт-проект «Этажи» - отметили 44 % респондентов
5. Голицын лофт - отметили 42,4 % респондентов
6. Бертгольд центр - отметили 41,6 % респондентов
7. Люмьер-холл - отметили 25,7 % респондентов
8. Artplay - отметили 17,9 % респондентов
9. Ткачи - отметили 13,4 % респондентов
10. Флигель - отметили 11,2 % респондентов

Не трудно заметить, что креативные пространства, занимающие первые 6 позиций существенно превышают по популярности все остальные. Применив к анализу их функционала, структуры и указанную выше систему комплексной оценки автор получил в целом схожие результаты (см. Приложение №1)¹⁸¹.

За исключением арт-пространства «Пушкинская 10», которое не относится к креативным кластерам, но попадает в топ-10 благодаря своему бренду старейшей творческой локации постсоветского периода истории Ленинграда/Петербурга, все остальные можно охарактеризовать следующим образом. Это пространства и кластеры, которые отличает целостный и достаточно известный бренд, высокая или средняя степень сбалансированности развития различных функциональных направлений, все пять пространств отличает открытый доступ на территорию креативного пространства/кластера любых желающих и достаточно высокая степень представленности информации о пространстве/кластере в интернет

---

¹⁸⁰ Эксперты измерили рост креативных пространств в Петербурге [Электронный документ] URL: [//www.rbc.ru/spb_sz/21/06/2019/5d0b65b29a79472eb9ea9c46](http://www.rbc.ru/spb_sz/21/06/2019/5d0b65b29a79472eb9ea9c46) (дата обращения: 30.05.2022)

¹⁸¹ Необходимо заметить, что за прошедшие 3 года состав креативных пространств Петербурга изменился: было закрыто креативное пространство Голицын – лофт, поменяло собственника и название креативное пространство ARTPLAY.

пространстве и наличие механизма обратной связи, все пространства ориентированы на бережное отношение к окружающей среде (в отдельных из них, как например, в «Севкабель Порт» организованы экологически ориентированные выставочные экспозиции) и гармонично вписаны в городской ландшафт соответствующей локации (несмотря на существенную разницу в данных ландшафтах), все они мультифункциональны и отличаются высокой степенью вовлеченности горожан в креативные активности локации; по размерами и количеству посетителей креативные кластеры различаются. Здесь присутствуют два явных лидера – «Севкабель Порт» и «Новая Голландия». Однако значительную часть пространства этих локаций занимают не креативные резиденты, а рекреационные объекты: кафе, рестораны, парковая зона, катки и пр. Если сравнивать креативное ядро обоих кластеров с лофт-проектом «Этажи», Бертгольд центром или Люмьер-холлом, то они оказываются вполне сопоставимы по размерам.

Упоминание о креативных кластерах и индустриях, как драйверах развития современной городской экономики, зафиксировано во многих документах стратегического планирования развития Санкт-Петербурга. Так в «Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года» в качестве одной из приоритетных задач зафиксировано, что «городу предстоит способствовать созданию и развитию новых креативных пространств (студий, мастерских, выставочных залов и т.п.), в том числе на основе трансформации имеющихся, но уже невостребованных промышленных объектов»¹⁸². В отраслевой стратегической государственной программе Санкт-Петербурга «Развитие сферы культуры и туризма в Санкт-Петербурге» 2015-2020 гг. также было зафиксировано, что задача «превращение культуры и туризма в наиболее развитые и привлекательные сферы общественной

---

¹⁸² Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.05.2014 № 355 «О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года» // СПС Консультант Плюс (дата обращения 22.05.2022)

деятельности»¹⁸³ должна быть решена за счет развития творческих индустрий и увеличения числа креативных локаций в городе.

Однако, в большинстве стратегий отсутствует комплексный анализ существующего положения дел с креативными индустриями и кластерами, а тем более дорожная карта того, как их развитие должно быть реализовано и как это развитие повлияет в перспективе на совершенствование различных сфер общественной жизни и рост качества жизни горожан в целом.

Более узко-ориентированные государственные стратегические программы развития туристической отрасли, творческих индустрий и креативных кластеров в Санкт-Петербурге должны помимо мер и направлений государственной поддержки содержать также и подробный анализ ключевых вызовов и рисков, характерных для данной локации, а также возможности, которые может обеспечить в данной сфере цифровая трансформация. Институциональной базой подобных изменений должен стать региональный закон «О креативных пространствах и индустриях Санкт-Петербурга», который обязан соответствовать современной федеральной законодательной базе и новым социально-экономическим условиям городского развития, связанным прежде всего с цифровой трансформацией экономики и управления.

---

¹⁸³ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17.06.2014 № 488 (ред. от 03.02.2016) «О государственной программе Санкт-Петербурга «Развитие сферы культуры и туризма в Санкт-Петербурге» на 2015-2020 годы» // СПС Консультант Плюс (дата обращения 23.05.2022).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном исследовании показано, что цифровая трансформация, какой бы уровень ее реализации мы не рассматривали, несет в себе как позитивные социальные, экономические и политико-административные результаты, повышающие эффективность процессов принятия и реализации стратегических решений, так и новые вызовы, и риски. Принципиально важно для целей обеспечения комплексности и адекватности стратегического планирования развитием территорий в достаточной степени анализировать и те, и другие.

К позитивным результатам, непосредственно влияющим на креативный капитал общества, автор отнес и кратко проанализировал на глобальном и национальном (российском) уровнях следующие:

- цифровую структуру, особенности содержания и новые каналы социальных коммуникаций, кардинально трансформирующие способы передачи и анализа информации, а также превращение ее в необходимое знание;

- появление новых цифровых инструментов стратегического планирования и управления, базирующихся на технологиях искусственного интеллекта и Big Data, которые существенно расширяют прогностические возможности политиков и администраторов;

- возникновение и развитие новых форм электронного участия граждан, а также краудплатформ, позволяющих не только собирать сведения о проблемах территорий, но и предлагать пул возможных решений.

К ключевым вызовам цифровизации отнесем: цифровой разрыв в компетентностном и инфраструктурном значениях, ведущий к углублению различий в социальном и экономическом статусах отдельных акторов и социальных групп; рост риска манипулирования поведением граждан и утраты ими части политических и гражданских свобод, благодаря широкому использованию цифровых технологий контроля и управления; утрата контроля как со стороны государства, так и бизнеса за темпами инновационного цифрового развития и возможными побочными результатами.

Проанализировав ход, структуру и содержание цифровизации систем экономики и управления городским развитием в современной России, автор отметил, что на сегодняшний день в Российской Федерации сложилась комплексная и достаточно эффективная система оказания электронных государственных и муниципальных услуг для населения, обеспеченная четкой системой нормативно-правового регулирования. Однако актуальные и потенциальные вызовы и риски (как внешнеполитические, так и внутрироссийские) требуют решения ряда задач по оптимизации системы обратной связи государства и общества в сфере стратегического планирования. В первую очередь это – формирование новых цифровых компетенций государственных и муниципальных служащих, включающее обязательное обновление содержания программ их подготовки и переподготовки; более глубокая функциональная и содержательная интеграция органов государственной и муниципальной власти на базе одной платформы; расширение электронного (цифрового) гражданского участия, которое должно параллельно сопровождаться созданием необходимой технологической инфраструктуры, понятной и удобной большинству пользователей.

В рамках третьей главы автор, развивая и корректируя периодизацию, предложенную петербургскими экономистами Батчаевым А.Р. и Жихаревичем Б.С., выделил и проанализировал содержательную и проективно-организационную специфику пяти основных этапов развития стратегического планирования в Санкт-Петербурге, которые в значительной степени были привязаны к периодам управления городом командами различных губернаторов:

- 1992-1996 гг. – протопериод стратегического планирования с крайне высокой степенью политической и экономической турбулентности и слабым методологическим и ресурсным обеспечением стратегических планов (период правления мэра А.А. Собчака);

- 1997-2003гг. – период становления самостоятельной, отвечающей современным требованиям модели городского стратегического планирования,

предполагающей активную обратную связь и систему контроля исполнения планов (период губернаторства В.А. Яковлева);

- 2003-2011гг. – период развития системы стратегического городского управления, основанной на модели 1997-2003 гг. (период губернаторства В.И. Матвиенко). В ходе данного этапа произошла административно-правовая институционализация процесса планирования и оформление органов государственной власти, отвечающих за данное направление;

- 2013-2018гг. – период совершенствования системы стратегического планирования и управления, с учетом концепций «умного города» и креативной экономики, ориентированной на усиление творческого потенциала городского развития и активное включение в государственные стратегические программы задачи развития креативных кластеров (период губернаторства Г.С. Полтавченко);

- 2018г. - настоящее время. – период цифровой технократизации городского развития, с усилением вертикальной структуры политико-административной компоненты и экспоненциальным ростом внешнеэкономических и пандемийных вызовов и рисков, требующих перестройки системы и содержания стратегического планирования (период губернаторства А.Д. Беглова).

Проделав такой ретроспективный анализ, автор отметил с одной стороны преемственность общих целей и задач стратегического планирования городского развития (с явным приматом роста качества жизни горожан), но с другой, высокую зависимость эффективности исполнения планов от состава политической элиты города, существенно меняющейся с приходом нового губернатора. Таким образом главная проблема стратегического планирования в Санкт-Петербурге – частичное, неполное исполнение планов, являющееся в первую очередь следствием несоответствия временного шага стратегического планирования политическому циклу губернаторства.

Вторая проблема, отмеченная автором - это необходимость балансировки стратегических планов по направлениям развития, а также в пространственном отношении, т.е. с привязкой к конкретным городским локациям.

Анализируя процесс развития креативных индустрий и кластеров в контексте стратегического развития Петербурга, автор предложил собственную комплексную модель их оценки, дифференцированную по 10-ти ключевым критериям:

- Идеино-ценностная целостность образа креативного пространства/кластера
- Отраслевая и функциональная сбалансированность креативного пространства/кластера;
- Открытость креативного пространства/кластера;
- Экологичность креативного пространства/кластера
- Функциональная наполненность креативного пространства/кластера;
- Степень интерактивности креативного пространства/кластера;
- Масштаб и востребованность креативного пространства/кластера;
- Зрелость креативного пространства/кластера;
- Целевая аудитория креативного пространства.
- Наличие/отсутствие стратегии развития креативного пространства.

Краткий анализ существующих креативных кластеров Санкт-Петербурга, представленный в третьей главе и Приложении №1, показывает взаимосвязь их популярности и экономической рентабельности с высокими баллами, набранными в рамках данной системы оценки.

Взаимосвязь степени эффективности развития креативных индустрий, пространств и кластеров от включенности в стратегические планы как заметный элемент политической стратегии развития города также ясно показана в третьей главе исследования. При этом, анализируя существующие документы стратегического планирования Санкт-Петербурга, автор пришел к выводу о том, что в большинстве из них отсутствует комплексная оценка существующего положения дел с креативными индустриями и кластерами, того как это развитие должно влиять в перспективе на совершенствование различных сфер общественной жизни и рост качества жизни горожан в целом, а также дорожная карта, определяющая конкретные шаги по их развитию в практике городской политики.

С другой стороны, такой анализ необходимо проводить в контексте цифровой трансформации городской экономики и системы управления. Учет практики цифровизации позволит разрабатывать и реализовывать сбалансированные по параметрам виртуального присутствия/сервисного обеспечения и материализованного в реальной практике преобразования/улучшения качества городского ландшафта стратегии.

Список использованной литературы

Монографии, учебники, учебные пособия

1. Аакер Д.А. Стратегическое рыночное управление: Бизнес стратегия для успешного менеджмента: пер. с англ. - 6-е изд. - М., 2003. - 542с
2. Ансофф И. Стратегическое управление. - М.: Экономика. 1989.
3. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. Санкт-Петербург, Питер, 2008. 422 с.
4. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
5. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П.С. Гуревича. М.: "Прогресс", 1986. 453 с.
6. Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация. М.: Дело, 2018- 416 с.
7. Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с франц., отв. ред. Н.А. Шматко. М., 2007.
8. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Московский университет, 2015. 272 с.
9. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. Издательский дом «Дело», М. 2017.
10. Дзялошинский И.М. Коммуникативные процессы в обществе: институты и субъекты. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 582 с.
11. Друкер П. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения. М: Издательско-торговый дом "ГРАНД", "ФАИР-ПРЕСС", 1998.
12. Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект Том. Выпуск 3. - Сер. Межрегиональные исследования в общественных науках (МИОН), Ростов-на-Дону 2004. 264 с.

13. Кастельс М. Информационная эра: экономика, общество и культура. М. изд-во «Высшая школа экономики», 2000.
14. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2014.
15. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1969. — Т. 34. Июль — октябрь 1917.
16. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика XXI, 2006 г. - 399 с.
17. Матецкая М.В. Творческие индустрии сквозь призму культурной политики. М.: ИЭ РАН. 2013.
18. Молчанова М.Ю., Петрова Е.В. Бюджетно-налоговое регулирование территориального развития Пермь, 2013. – 230 с.
19. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость. Монография/ под ред. Сморгунова Л.В.- М. Издательство «Аспект Пресс». 2022. – 351 с.
20. Сети города: Люди. Технологии. Власти. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 576 с.
21. Слоботчиков О.Н., Козлов С.Д., Шатохин М.В, Попова С.А., Гончаренко А.Н. Цифра и власть: цифровые технологии в государственном управлении. Институт мировых цивилизаций. 2020. – 320 с
22. Социально-экономическая политика и управление территориальным развитием сборник научных статей / Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации, Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Северо-Западная акад. гос. службы" ; [под общ. ред. В. М. Ходачека, М. Ю. Елсукова]. Санкт-Петербург, 2006.
23. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. -128 с
24. Сендра П., Сеннет Р. Проектировать беспорядок: Эксперименты и трансгрессии в городе. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. - 280 с.

25. Томпсон-мл. А.А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа, 12-е издание: Пер. с англ. Москва, издательский дом «Вильямс», 2013. - 928 с.
26. Урманов Д.В. Формирование механизмов устойчивости региональных социально-экономических систем в условиях поляризованного развития российского пространства: Монография / Д.В.Урманов - Краснодар: Издательский Дом - Юг, 2013. - 182 с.
27. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016 г. – 384 с.
28. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность / под общ. ред. Н. Е. Дмитриевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 43 с.
29. Шваб К. Четвертая промышленная революция.— «Эксмо», 2016. – 208 с.
30. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Cambridge MA. Oxford UK: Blackwell Publishers, 1996. 556 p.
31. Chandler A. Strategy and Structure: Chapters in the History of American Enterprise. Cambridge , 1962.
32. Eubanks V. Automating Inequality. How High-Tech Tools Profile, Police and Punish the Poor. St. Martins Press, 2018.
33. Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. US., 2004.
34. Hall P., Pain K. (eds) The Polycentric Metropolis: Learning from Mega-City Regions in Europe. London: Earthscan 2007.
35. Hartley J. (ed.) Creative Industries. Oxford: Blackwell. 2007.
36. Higgins J.M. Organizational Policy and Strategic Management: Text and Cases. 2nded. Chicago, The Dry dent Press, 1983.
37. Ratti C., Claudel M. The City of Tomorrow: sensors, networks, hackers, and the future of urban life. Yale University Press, 2016.

38. Schendel D.E., Hatter K.J. Business Policy or Strategic Management: A Broader View for an Emerging Discipline. Academy of Management Proceeding. August, 1972.

39. Srnicek N., Williams A. Inventing the future : postcapitalism and a world without work. London: Verso. 2015.

Диссертации, авторефераты диссертаций

40. Кулакова А.Е. Совершенствование инструментария реализации федеральной политики территориального развития дотационных регионов: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05 Тамбов, 2015.

41. Луканин А.В. Трансформация институциональных форм взаимодействия публичной власти и населения в условиях становления информационного общества в России : автореферат дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Луканин Артем Викторович; [Место защиты: Пенз. гос. ун-т]. - Пенза, 2014. - 23 с.

42. Мельникова Е. Я. Социальная политика государства как фактор развития административно-территориальных единиц РФ: диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05, 2009.

43. Шершунов В. А. Управление инвестиционным и инновационным развитием территории : на примере Костромской области : диссертация ... доктора экономических наук : 08.00.05.- Москва, 2005.

44. Табакаев П. В. Государственное регулирование территориального развития в условиях трансформации: диссертация... кандидата экономических наук : 08.00.01 Москва, 2007.

45. Резван И.В. Современная государственная политика в сфере территориального планирования и развития (на материалах юга России) диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Северо-Кавказская академия государственной службы. Ростов-на-Дону, 2009.

46. Усягин А.В. Территориальное управление в политической системе Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. НГУ им Н И Лобачевского. Нижний Новгород, 2006.

47. Овчаренко А.Н. Стратегическое управление в политической деятельности: теоретико-методологические основы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Гуманитарный университет. Екатеринбург. 2007.

48. Суховская Д.Н. Креативное пространство российских городских поселений и его влияние на формирование ценностных ориентаций личности. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата наук по специальности 09.00.11 – социальная философия. Краснодар. 2016 URL: <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/49949>

Научные статьи и иные публикации в периодической печати

49. Акалелова Т.А. Социальное пространство современного города // Теория и практика общественного развития. 2014. № 9. С. 23-25.

50. Аксенов К.Э., Брадэ И., Рох К. Развитие социально-пространственной дифференциации в районах массовой жилой застройки в постсоветском городе (на примере Ленинграда — СанктПетербурга) // Известия РАН. Сер. Геогр. 2010. № 1. С. 42–53.

51. Аксёнов К.Э. Тенденции развития городской среды: есть ли уникальное в универсальном? (На примере Санкт-Петербурга) // Современные производительные силы. 2014. № 3. С. 22–36.

52. Анисимов И.А. Стратегическое планирование устойчивого функционирования локальных территорий как основа инновационного развития практики управления социальными и экономическими системами // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 2 (63). С. 35-40.

53. Бабюк И.А. Инвестиционная политика в условиях экономических санкций (на примере Санкт-Петербурга) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т.14, № 1. С. 68–76
54. Батчаев А.Р., Жихаревич Б.С. Социально-экономическое планирование в Санкт-Петербурге: до и после Стратегического плана 1997 года. набросок исторического очерка / Брошюра (обзор). – СПб.: Издательство «МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2017. – 24 с.
55. Васильева Е.В., Пуляева В.Н., Юдина В.А. Развитие цифровых компетенций государственных гражданских служащих Российской Федерации // Бизнес-информатика. 2018. № 4 (46). С. 28–42.
56. Витюк Е.Ю., Бабич В.Н. Синергетические законы развития города // Академический вестник Уралниипроект РААСН №3, 2011 с. 68-71.
57. Волынский А.И. Институциональный дизайн и теория реформ в российском экономическом дискурсе // TerraEconomicus. 2018. Т. 16. № 4. С. 29-40.
58. Волков Ю.Г. Креативный класс Versus имитационных практик ... // Гуманитарий Юга России Ростов-на-Дону, 2012. № 1. С. 44.
59. Волков Ю.Г. Креативный класс: логика социального становления // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 128.
60. Вульфович Р.М. Проблемы совершенствования системы управления в ходе разработки и реализации стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года // Управленческое консультирование. 2014. № 2 (62). С. 100-107.
61. Гимаева А.И. Социальное пространство и социальное время // European Social Science Journal. 2014. № 4-1 (43). С. 21-27.
62. Глушакова О.В., Вайсберг Я.А. О трансформации архитектоники в стратегическую архитектуру системы публичного управления социально-экономическим развитием территории: теоретико-методологические подходы // Непрерывное профессиональное образование и новая экономика. 2018. № 1 (2). С. 104-124.

63. Го Ш., Дин В., Ланьшина Т. Роль «Группы двадцати» в глобальном управлении цифровой экономикой // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 4. С.169-184.
64. Демидов А.А., Комарова И.И. Креативные кластеры для Петербурга // Современные производительные силы №4, 2014, С. 124-159.
65. Дианова В.А. Концепция комплексного развития городской территории как императив стратегического управления // Инновации в науке. 2012. № 8-2. С. 35-38.
66. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Стратегии развития городов: российская практика 2014-2019 гг. // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 184-204.
67. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Муниципальное стратегическое планирование в России между кризисами // Известия Русского географического общества. – 2016. – Т. 148. – № 3. – С. 1-13.
68. Жихаревич Б.С. Влияние стратегии пространственного развития России на муниципальные стратегии // Экономика Северо-Запада. – 2021. – №3. – С. 8-19.
69. Желнина А.А. «Творчество для своих»: социальное исключение и креативные пространства Санкт-Петербурга // Креативные индустрии в городе: вызовы, проекты и решения. Сборник научных статей студентов и преподавателей НИУ ВШЭ. М., 2012. С.42-57.
70. Зотова Л.Р. Креативный город: творческие индустрии и развитие городов. Креативная экономика, 2015, 9(11), 1465–1490.
71. Ижгузина Н.Р. Социальное пространство городской агломерации (на примере Екатеринбургской городской агломерации) // European Social Science Journal. 2014. № 6-2 (45). С. 499-505.
72. Колесниченко М.Б. Социальное пространство города // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. № 1. С. 102.-108.

73. Косолапова Е.А., Стеклова И.А. Креативное пространство: диалектика мотивации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 745-747.
74. Котов А. И. Инновационное будущее Санкт-Петербурга // Проблемы прогнозирования. 2014. №6 (147). С. 95-100.
75. Курочкин А.В. Институты и технологии инновационной публичной политики // Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. Коллективная монография под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект-Пресс, 2018. 349 с.
76. Курочкин А.В., Бабюк И.А. Гражданское участие в системе проектирования развития современного города: синергетический подход к анализу // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 8. С. 2963-2974.
77. Курочкин А.В., Бабюк И.А. Инвестиционная политика в условиях экономики, основанной на знаниях: новые инструменты и ценностные основания // Управленческое консультирование №2, 2018 с. 8-14
78. Курочкин А.В., Дедуль А.Г., Шалев Л.С., Бабюк И.А. Цифровые системы в публичной политике и городском планировании: лоббирование, примеры и рекомендации к дальнейшему применению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2023. - Т. 25. - №3. - С. 647-662.
79. Лачининский С. С. Некоторые аспекты экономической безопасности Санкт-Петербурга и Ленинградской области в условиях геоэкономической неопределенности // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 136–149.
80. Маклакова Е.А. Исторические предпосылки создания современной системы стратегического планирования в России Том: 6, № 4. 2015 С. 132-138.
81. Мартынов В. Л., Дегусарова В. С. , Дмитриева А. А. , Сазонова И. Е. Санкт-Петербург как субъект региональной политики: проблемы

пространственного развития города в «Стратегии2035» // Псковский регионологический журнал 2019. Выпуск 3 (39) С. 3-22.

82. Матвеев В.В., Тарасов В.А. Государственное регулирование и поддержка цифровой экономики в России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования, №4 (38), 2019 с.185-194.

83. Михайлова А.В. Цифровая и креативная экономика в современном пространстве // Креативная экономика. – 2018. – Том 12. – № 1. – С. 29-42.

84. Морозова С.С., Бабюк И.А. Развитие креативных пространств как источник роста социального капитала в цифровую эпоху // Креативная экономика. – 2023. – Том 17. – № 2. – С. 527–540.

85. Морозова С.С., Будко Д.А., Бабюк И.А. Особенности политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных вызовов и рисков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС – 2023. – Т.19 – № 2 – С. 230-243.

86. Окара А.Н. Милитократия vs. Креатократия: выбор модели модернизации в современной России как социально-философская проблема // Вестник ТОГУ, 2009. № 4 (15). С. 13-14.

87. Прохоров С.И. Формирование креативного пространства в современном мегаполисе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 100–110.

88. Прохоров Д.В., Цлаф В.М. Значение взаимодействия органов государственного и муниципального управления с местными сообществами для социокультурного развития территории // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 9-2 (131). С. 328-334.

89. Пяткова Н.П. Особенности формирования механизма реализации государственной политики территориального развития // Экономика. Менеджмент. Инновации. 2019. № 2 (20). С. 29-33.

90. Пяткова Н.П. Показатели, учитываемые при разработке политики территориального развития // Chronos. 2020. № 7 (44). С. 81-85.
91. Романюк М.А., Личко К.П. О стратегическом планировании в Российской Федерации // Известия ТСХА, выпуск 6, 2015 с. 83-91.
92. Рябов Н.Ф. Креативное освоение «потерянных» городских пространств // Инновационные процессы современности. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2014. С. 226-229.
93. Саханевич Д.Ю. Роль цифровизации в развитии социально-экономических систем // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ, №20, 2020. С.63-73.
94. Свиридова Н.Д., Пяткова Н.П. Основные типы региональной политики территориального развития // Znanstvena Misel. 2019. № 37-1 (37). С. 31-34.
95. Селиверстов В.Е. Мифы и рифы территориального развития и региональной политики России // Регион: Экономика и Социология. 2008. № 2. С. 194-224.
96. Серкина Н.Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 2(41). С. 161-169.
97. Сморгунов Л.В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть. 2014. № 6. С. 5-14.
98. Соколов А.В. Электронные коммуникации в социальной активности граждан // Власть. 2015. № 3. С. 67-71.
99. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5-18.
100. Тугачева Л.В., Сахарова С.М. Стратегические направления государственного управления социально-экономическим развитием территории арктической зоны // Вестник Академии знаний. 2021. № 4 (45). С. 263-270.

101. Тукмакова М.И. Архитектура закрытых креативных пространств: типология и функциональная структура // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2018. № 2 (44). С. 98–106.
102. Хохлов Ю.Е. Цифровая экономика в России: ключевые результаты оценки готовности страны к цифровой экономике // Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации сентябрь 2018. World Bank Group.
103. Цветкова О.В. Система государственного управления как элемент политико-территориальной структуры // Власть. 2014. № 11. С. 101-104.
104. Цветкова О.В. Компаративный анализ моделей территориально - государственного строительства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 2 (28). С. 135-138.
105. Цветкова О.В. Центр и периферия в региональном развитии: теории территориальной политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. // Вопросы теории и практики. 2014. № 7-1 (45). С. 189-192.
106. Щитинский В.А. «Стратегия пространственного развития Российской Федерации» - инновация в государственном управлении России // Управленческое консультирование. 2015. № 7 (79). С. 35-44.
107. Юшкова Н.Г. Территориальное планирование и государственная политика развития региона // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2013. № 30 (49). С. 365-387.
108. Якова Т. С., Янглева М. М. Креативные индустрии в странах Европы. политика государства // № 1 (78) 2017. С. 26-35.
109. Окинавская Хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник № 8, август 2000. С. 5-13

110. Amdam R. Sectoral Versus Territorial Regional Planning and Development in Norway, *European Planning Studies*, vol. 10 №1, 2002 pp. 99-111
111. Burinskiene M., Rudzkiene V. Future insights, scenarios and expert method application in sustainable territorial planning // *Ukio Technologinis ir Ekonominis Vystymas*, vol. 15, №1, 2009, pp. 10-25.
112. Caves R. Contracts between Art and Commerce // *The Journal of Economic Perspectives* Vol. 17, No. 2 (Spring, 2003), pp. 73-84.
113. Ferro E., Caroleo B., Leo M., Osella M., Pautasso E. The role of ICT in smart cities governance // *Proceedings of 13th International Conference for E-Democracy and Open Government*. Donau-University Krems, 2013. P. 133-145.
114. Hannigan J. From Fantasy City to Creative City. In: G. Richards and J. Wilson (eds), *Tourism, Creativity and Development*. London: Routledge. 2007. pp.48-72.
115. Harvey D. Neoliberalism as Creative Destruction *Annals of the American Academy of Political and Social Science* 610(1) 2007. pp. 21-44.
116. Jho W., Song K.J. Institutional and technological determinants of civil e-Participation: Solo or duet? // *Government Information Quarterly*. 2015. Vol.32(4). P. 488-495.
117. Kurochkin A.V., Nikiforov A.A. Creative spaces in the structure of strategic planning of contemporary urban development: case of Saint-Petersburg // *Креативная экономика*. – 2019. – Том 13. – № 6. – С. 1099-1106.
118. Grodach C., Loukaitou-Sideris A. Cultural Development Strategies and Urban Revitalization // *International Journal of Cultural Policy*. 13(4) 2008, pp. 349-370.
119. Medeiros E. Spatial Planning, Territorial Development, and Territorial Impact Assessment // *Journal of Planning Literature*, Volume: 346 №2, 2019. pp. 171-182.
120. Mintzberg H. Patterns in Strategy Formation. *Management Science*, 1978, vol. 24, no. 9, pp. 934–948

121. Novarina G, Zepf M. Territorial Planning in Europe: New concepts, new experiences, disP - The Planning Review, vol. 45, 2009, pp. 18-27.

122. Tang G. Putting creative production in place? Policy, creativity and artist villages // Creative Industries Journal, vol 13, №1, 2020, pp. 17-35.

123. Tuite A., Horton K. Crafting symbolic value: art, craft and independent fashion // Creative Industries Journal, 2019. vol.12, №3, pp. 284-300

124. Yum S. The relationship between creative industries and the urban economy in the USA // Creative Industries Journal, vol. 13, 2020, №2, pp. 95-116.

Электронные ресурсы

125. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество [Электронный документ] URL: <https://topuch.ru/gryadushee-postindustrialenoe/index38.html> (дата обращения: 20.05.2021).

126. Дополнительное профессиональное образование кадров государственной гражданской и муниципальной службы [Электронный документ] (дата обращения 25.01.2021г.) URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13288?print=1>

127. Количество граждан, которые воспользовались сервисами единого портала Госуслуг в 2020 году, составило 56 млн человек [Электронный документ] URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40942/> (дата обращения: 29.06.2022г.)

128. О государственной программе «Информационное общество (2011–2020 годы)» [Электронный документ] URL: <http://government.ru/docs/3369/> дата обращения: 25.04.2022г

129. Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный документ] (дата обращения 25.01.2021г.) URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> с.90

130. Правительство утвердило план мероприятий по развитию творческих индустрий [Электронный документ] URL: <http://government.ru/news/46294/> (дата обращения: 23.08.2022г.)

131. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.05.2014 № 355 «О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года» // СПС Консультант Плюс (дата обращения 22.05.2022)

132. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17.06.2014 № 488 (ред. от 03.02.2016) «О государственной программе Санкт-Петербурга «Развитие сферы культуры и туризма в Санкт-Петербурге» на 2015-2020 годы» // СПС Консультант Плюс (дата обращения 23.05.2022).

133. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. N 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [Электронный документ] (дата обращения 25.01.2021г.) URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/17vr0012/>

134. Состав кадров государственной гражданской службы Российской Федерации по укрупненным группам специальностей и направлениям подготовки базового высшего профессионального http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publication/catalog/doc_1237818141625 [Электронный документ] (дата обращения 25.01.2021г.)

135. Стратегический план Санкт-Петербурга. 1997 [Электронный документ] URL: <https://stratplan.ru/UserFiles/Files/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B8%CC%86%20%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%20%20%D0%A1%D0%9F%D0%B1%201997.pdf> С. 15 (дата обращения: 20.07.2022)

136. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года [Электронный документ] (дата обращения:

20.07.2022) URL:
https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2017/04/05/strat_2030.pdf

137. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года (дата обращения: 20.07.2022) URL:
https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/

138. Стратегия-2020. Чего удалось достичь. 27.09.2017 [Электронный документ] URL: <http://2035.media/2017/09/27/strategy2020-part1/> (дата обращения: 20.06.2022)

139. ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)» [Электронный документ] URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/6/> Дата обращения: 25.04.2022г.

140. Эксперты измерили рост креативных пространств в Петербурге [Электронный документ] URL:
[//www.rbc.ru/spb_sz/21/06/2019/5d0b65b29a79472eb9ea9c46](http://www.rbc.ru/spb_sz/21/06/2019/5d0b65b29a79472eb9ea9c46) (дата обращения: 30.05.2022)

141. Global Creativity Index 2015 rankings [Электронный документ] URL: <https://www.culturepartnership.eu/en/article/global-creativity-index-2015>

**Сравнительная комплексная оценка креативных пространств
Санкт-Петербурга**

ПЛАНЕТАРИЙ №1

№	Оценочный критерий и подкритерии	Варианты оценки	Балл	Оценка
1	Идейно-ценностная целостность образа креативного пространства/кластера	- наличие единого бренда и высокая целостность;	2	Функционально целостный объект, присутствует единый бренд «Планетарий №1»
2	Отраслевая и функциональная сбалансированность креативного пространства/кластера	- низкая степень сбалансированности (явное акцентирование одной/двух функций)	0	В самом здании осуществляются специализированные кинопоказы и проходят мероприятия, связанные с исследованием космоса. Кроме того, открыта научная лаборатория SpaceLab о зеленых технологиях и робототехнике. В зимний период времени на территории пространства открывает каток.
3	Открытость креативного пространства/кластера	-открытый/затрудненный/закрытый доступ на территорию креативного пространства/кластера любых желающих;	2	Вход в планетарий осуществляется по билетам, есть скидки и бесплатные билеты для льготных категорий.
		- степень представленности информации о пространстве/кластере в интернет пространстве и наличие механизма обратной связи.		Есть сайт со всей доступной информацией об объекте, группа в социальной сети ВКонтакте.

4	Экологичность креативного пространства/кластера	- степень влияния пространства на окружающую среду: позитивное/нейтральное/негативное	1	Позитивное. Само здание не выделяет токсичных отходов, но из-за большого числа проекторов и подсветки тратится большое количество электричества. Компания «Арт–Технологии», которой принадлежит Планетарий № 1, запускает продажи роботов с искусственным интеллектом для сортировки мусора ¹⁸⁴ .
		- степень гармоничности вписывания креативного пространства/кластера в городской ландшафт.		Здание было построено в XIX веке, то его можно назвать историческим, при этом оно выполняло функции газгольдера, из-за чего лишено эстетической нагрузки в дизайне здания.
5	Функциональная наполненность креативного пространства/кластера	- Монофункциональное пространство/кластер	0	Все функционирующие объекты связаны с робототехникой и исследованием космоса.
6	Степень интерактивности креативного пространства/кластера	- высокая степень вовлеченности горожан в креативные активности локации;	2	Часто проводятся концерты и лекции. На территории планетария присутствует орган, который синтезирует музыку и космос. Аналогов в данной тематике в Санкт-Петербурге такого уровня в настоящее время нет.
7	Масштаб и востребованность креативного пространства/кластера	- общий метраж рабочих помещений пространства/кластера;	2	4000 кв.м ¹⁸⁵
		- количество резидентов пространства;		4 ¹⁸⁶ (Геосота, магазин сувениров, 2 точки питания)

¹⁸⁴ https://www.dp.ru/a/2020/10/28/VALLI_s_mestnoj_propiskoj

¹⁸⁵ <https://vk.com/planetarium1>

¹⁸⁶ <https://2gis.ru/spb/firm/70000001027953216/30.330981%2C59.911676/tab/inside?m=30.330906%2C59.911324%2F18.79>

		- количество посетителей пространства (месяц/год);		600 000 человек в год ¹⁸⁷
		- количество пользователей, посетивших интернет-ресурсы пространства/кластера, количество подписчиков в социальных сетях.		34 936 подписчиков группы в социальной сети ВКонтакте (по состоянию на 12.05.2023)
8	Зрелость креативного пространства/кластера	- возраст креативного пространства/кластера;	2	6 лет (открыт в 2017 году)
		- узнаваемость бренда креативного пространства/кластера.		Благодаря простому названию и громкому слогану «Крупнейший планетарий в мире», узнаваемость Планетария № 1 высокая.
9	Целевая аудитория креативного пространства	- многоцелевая;	2	Многоцелевая. У планетария есть экскурсионные программы для разновозрастной аудитории.
10	Наличие/отсутствие стратегии развития креативного пространства	- наличие плана инфраструктурного развития;	1	Присутствует только инфраструктурный план развития.
ИТОГО:			15	

¹⁸⁷ https://tb.mts.ru/blog/longread/planetaryi_v_peterburge

НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ

№	Оценочный критерий и подкритерии	Варианты оценки	Балл	Оценка
1	Идейно-ценностная целостность образа креативного пространства/кластера	- наличие единого бренда и высокая целостность;	2	Новая Голландия выстроена в едином стиле: все зоны отдыха разделены при сохранении единой концепции парка.
2	Отраслевая и функциональная сбалансированность креативного пространства/кластера	- высокая степень сбалансированности;	2	На территории острова компактно расположены более 15 самостоятельных объектов. В зимний период времени на территории пространства открывает каток.
3	Открытость креативного пространства/кластера	-открытый/затрудненный/закрытый доступ на территорию креативного пространства/кластера любых желающих;	2	Открытый доступ. На острове созданы условия для пребывания людей с ограниченными возможностями: На остров Новая Голландия разрешен вход с собакой-поводырем и специально обученной собакой-помощником человека с инвалидностью. В арке здания «Бутылка» расположена кнопка вызова сотрудника для оказания помощи людям, использующим инвалидную коляску. При этом, парк является открытым для всех желающих (вход бесплатный).
		- степень представленности информации о пространстве/кластере в интернет пространстве и наличие механизма обратной связи.		Есть сайт со всей доступной информацией об объекте, группа в социальной сети ВКонтакте.
4	Экологичность креативного пространства/кластера	- степень влияния пространства на окружающую среду: позитивное/нейтральное/негативное	2	Позитивное. Большая часть территории острова засажена деревьями, есть садовая аллея и травяной сад.

				<p>Правила поведения в парке содержат в себе достаточно большое количество правил, касающихся экологии.</p> <p>Инвесторами выполнен и продолжается выполняться колоссальный объем реставрационных работ исторических зданий на территории острова (здания кузни, бывшей тюрьмы, складов для хранения леса середины XIX века). Реставрация позволила придать данной территории современный облик с сохранением исторической идентичности.</p>
		- степень гармоничности вписывания креативного пространства/кластера в городской ландшафт.		
5	Функциональная наполненность креативного пространства/кластера	- мультифункциональное пространство/кластер;	2	На территории острова проходят музыкальные концерты, образовательные лекции, кинопоказы, размещены инсталляции, образовательный проект для детей, инфраструктура для игр и занятий спортом (балет, петанк, шахматы, стритбол, футшток), две детские площадки, точки питания.
6	Степень интерактивности креативного пространства/кластера	- средняя степень вовлеченности горожан в креативные активности локации;	1	Средняя степень вовлеченности, в связи с тем, что все интерактивные лекции, мастер-классы являются платными. Однако при этом существуют и бесплатные концерты, лекции, которых меньше.
7	Масштаб и востребованность креативного пространства/кластера	- общий метраж рабочих помещений пространства/кластера;	2	7,8 га
		- количество резидентов пространства;		36 ¹⁸⁸ (Резиденты «Дома 12» — центр цифровой трансформации «Газпром нефти» и галерея «Цифергауз», кафе <i>Cococo</i>)

¹⁸⁸ <https://bottlehouse.ru/ru>, https://myschoolnh.ru/?utm_source=nh&utm_medium=dk, <https://www.newhollandsp.ru/buildings/foundry/>, <https://www.newhollandsp.ru/buildings/house-12/>

				<i>bistro</i> , ресторан <i>Cococouture</i> и магазин велосипедов марки <i>Shulz</i> , в «Бутылке» 10 кафе, 14 магазинов и 5 студий; в «Доме комедианта» школа)
		- количество посетителей пространства (месяц/год);		Нет данных
		- количество пользователей, посетивших интернет-ресурсы пространства/кластера, количество подписчиков в социальных сетях.		90 272 подписчиков группы в социальной сети ВКонтakte (по состоянию на 12.05.2023)
8	Зрелость креативного пространства/кластера	- возраст креативного пространства/кластера;	2	12 лет (открыт в 2011 году)
		- узнаваемость бренда креативного пространства/кластера.		Узнаваемость Новой Голландии высокая.
9	Целевая аудитория креативного пространства	- многоцелевая;	2	Многоцелевая аудитория. Новая Голландия на данный момент представляет собой публично-креативное пространство, включающее в себя организации разного характера: детские школы, рестораны, магазины, спортивные клубы, зоны отдыха и др. Последними в расписании мероприятиями являются выставки, лектории, экскурсии.
10	Наличие/отсутствие стратегии развития креативного пространства	- наличие плана инфраструктурного развития;	1	Присутствует только инфраструктурный план развития.
ИТОГО:			18	

СЕВКАБЕЛЬ-ПОРТ

№	Оценочный критерий и подкритерии	Варианты оценки	Балл	Оценка
1	Идейно-ценностная целостность образа креативного пространства/кластера	- наличие единого бренда и высокая целостность;	1	Пространство предполагает наличие большой мозаичности компонентов.
2	Отраслевая и функциональная сбалансированность креативного пространства/кластера	- высокая степень сбалансированности;	2	Высокая степень сбалансированности
3	Открытость креативного пространства/кластера	-открытый/затрудненный/закрытый доступ на территорию креативного пространства/кластера любых желающих;	2	Открытый доступ на территорию
		- степень представленности информации о пространстве/кластере в интернет пространстве и наличие механизма обратной связи.		Есть сайт со всей доступной информацией об объекте, группа в социальной сети ВКонтакте.
4	Экологичность креативного пространства/кластера	- степень влияния пространства на окружающую среду: позитивное/нейтральное/негативное	1	Влияние скорее нейтральное. Раздельный сбор мусора присутствует частичное; есть проект гаражной продажи, что продлевает жизнь вещам
		- степень гармоничности вписывания креативного пространства/кластера в городской ландшафт.		Владельцами выполнен и продолжается выполняться большой объем реставрационных работ. Реновация позволила придать данной территории современный облик с сохранением исторической идентичности.

5	Функциональная наполненность креативного пространства/кластера	- мультифункциональное пространство/кластер;	2	Предоставляются услуги различного плана (образовательные, развлекательные, творческие).
6	Степень интерактивности креативного пространства/кластера	- высокая степень вовлеченности горожан в креативные активности локации;	2	Каток, бар, фотостудии, барахолка, рестораны – показывают высокую степень вовлеченности горожан
7	Масштаб и востребованность креативного пространства/кластера	- общий метраж рабочих помещений пространства/кластера;	2	3,2 га
		- количество резидентов пространства;		Более 40 ¹⁸⁹
		- количество посетителей пространства (месяц/год);		6–7 млн человек в год ¹⁹⁰
		- количество пользователей, посетивших интернет-ресурсы пространства/кластера, количество подписчиков в социальных сетях.		91 109 подписчиков группы в социальной сети ВКонтakte (по состоянию на 12.05.2023)
8	Зрелость креативного пространства/кластера	- возраст креативного пространства/кластера;	2	6 лет (открыт в 2017 году)
		- узнаваемость бренда креативного пространства/кластера.		Высокая
9	Целевая аудитория креативного пространства	- многоцелевая;	2	Пространство рассчитано на самую широкую аудиторию
10	Наличие/отсутствие стратегии развития креативного пространства	- наличие полноценной стратегии;	2	Присутствует проект развитие и отстаивает право на выживание
ИТОГО:			18	

¹⁸⁹ <https://sevcableport.ru/ru/food/resident>

¹⁹⁰ <https://daily.afisha.ru/cities/23581-kak-na-beregu-finskogo-zaliva-sozdayut-samoe-bolshoe-obschestvennoe-prostranstvo-peterburga/>

БЕРТГОЛЬД ЦЕНТР

№	Оценочный критерий и подкритерии	Варианты оценки	Балл	Оценка
1	Идейно-ценностная целостность образа креативного пространства/кластера	- наличие единого бренда и высокая целостность;	2	Бертгольд центр выстроен в едином стиле; современная инфраструктура, удобная территориальная расположенность.
2	Отраслевая и функциональная сбалансированность креативного пространства/кластера	- средняя степень сбалансированности;	1	Характерен творческий/образовательный уклон.
3	Открытость креативного пространства/кластера	-открытый/затрудненный/закрытый доступ на территорию креативного пространства/кластера любых желающих;	1	Открытый доступ на территорию
		- степень представленности информации о пространстве/кластере в интернет пространстве и наличие механизма обратной связи.		Есть сайт со всей доступной информацией об объекте, группа в социальной сети ВКонтакте
4	Экологичность креативного пространства/кластера	- степень влияния пространства на окружающую среду: позитивное/нейтральное/негативное	2	Позитивное влияние на окружающую среду: кластер придерживается экологической политики, в т.ч. отдельный сбор мусора.
		- степень гармоничности вписывания креативного пространства/кластера в городской ландшафт.		Гармоничность вписывания в окружающую среду: средняя.
5	Функциональная наполненность креативного пространства/кластера	- монофункциональное пространство/кластер	1	Предоставляются услуги различного плана (образовательные, развлекательные, творческие).

6	Степень интерактивности креативного пространства/кластера	- средняя степень вовлеченности горожан в креативные активности локации;	1	
7	Масштаб и востребованность креативного пространства/кластера	- общий метраж рабочих помещений пространства/кластера;	2	6500 кв.м
		- количество резидентов пространства;		54 ¹⁹¹ (11 ресторанов, 19 магазинов, 2 студии красоты, 3 образовательных организации, 2 спортивные организации, гончарная школа, отель, коворкинг и др.)
		- количество посетителей пространства (месяц/год);		Нет данных
		- количество пользователей, посетивших интернет-ресурсы пространства/кластера, количество подписчиков в социальных сетях.		22 302 подписчика группы в социальной сети ВКонтakte (по состоянию на 12.05.2023)
8	Зрелость креативного пространства/кластера	- возраст креативного пространства/кластера;	1	7 лет (открыт в 2016 году)
		- узнаваемость бренда креативного пространства/кластера.		Средняя
9	Целевая аудитория креативного пространства	- многоцелевая;	2	Пространство рассчитано на широкую целевую аудиторию
10	Наличие/отсутствие стратегии развития креативного пространства	- отсутствие стратегии.	0	Отсутствует
ИТОГО:			13	

¹⁹¹ <https://bertholdcentre.com/#!/tab/388268867-3>

ИГРЫ РАЗУМА

№	Оценочный критерий и подкритерии	Варианты оценки	Балл	Оценка
1	Идейно-ценностная целостность образа креативного пространства/кластера	- наличие единого бренда и высокая целостность;	2	Интеллектуальный кластер «Игры разума» выстроен в едином стиле.
2	Отраслевая и функциональная сбалансированность креативного пространства/кластера	- высокая степень сбалансированности;	2	Высокая степень сбалансированности резидентов по видам деятельности
3	Открытость креативного пространства/кластера	-открытый/затрудненный/закрытый доступ на территорию креативного пространства/кластера любых желающих;	2	Открытый доступ на территорию
		- степень представленности информации о пространстве/кластере в интернет пространстве и наличие механизма обратной связи.		Есть сайт, но на май 2023 года он не функционирует. Есть группа в социальной сети ВКонтакте
4	Экологичность креативного пространства/кластера	- степень влияния пространства на окружающую среду: позитивное/нейтральное/негативное	1	Кластер является нейтральным по степени влияния на окружающую среду
		- степень гармоничности вписывания креативного пространства/кластера в городской ландшафт.		Гармоничность вписывания в окружающую среду: средняя.
5	Функциональная наполненность креативного пространства/кластера	- Монофункциональное пространство/кластер	1	Интеллектуальный кластер «Игры разума» на данный момент представляет собой публично-креативное пространство, включающее в себя

				локации для разнообразных видов деятельности, но узкая интеллектуально-досуговая направленность, не позволяет охватить многоцелевую аудиторию. Акцент сделан на молодежной аудитории.
6	Степень интерактивности креативного пространства/кластера	- высокая степень вовлеченности горожан в креативные активности локации;	2	Высокая степень вовлеченности. Большое количество интерактивных мероприятий.
7	Масштаб и востребованность креативного пространства/кластера	- общий метраж рабочих помещений пространства/кластера;	1	3500 кв. м
		- количество резидентов пространства;		Нет данных
		- количество посетителей пространства (месяц/год);		Нет данных
		- количество пользователей, посетивших интернет-ресурсы пространства/кластера, количество подписчиков в социальных сетях.		11 546 подписчиков группы в социальной сети ВКонтakte (по состоянию на 12.05.2023)
8	Зрелость креативного пространства/кластера	- возраст креативного пространства/кластера;	0	7 лет (открыт в 2016 году)
		- узнаваемость бренда креативного пространства/кластера.		Низкая
9	Целевая аудитория креативного пространства	- узконаправленная.	1	Интеллектуальный кластер «Игры разума» на данный момент представляет собой публично-креативное пространство, включающее в себя локации для разнообразных видов деятельности, но узкая интеллектуально-досуговая направленность, не позволяет охватить многоцелевую аудиторию. Акцент сделан на молодежной аудитории.

10	Наличие/отсутствие стратегии развития креативного пространства	- отсутствие стратегии.	0	Есть план финансового и медийного развития.
ИТОГО:			14	

БЕНУА 1890г.

№	Оценочный критерий и подкритерии	Варианты оценки	Балл	Оценка
1	Идейно-ценностная целостность образа креативного пространства/кластера	- мозаичность компонентов пространства/кластера, взаимодополняющие друг друга;	1	Элементы пространства разбросаны по территории и не развивают общую концепцию, но и не противоречат друг другу.
2	Отраслевая и функциональная сбалансированность креативного пространства/кластера	- средняя степень сбалансированности;	1	Пространство содержит в себе большое количество функций, но основными из них являются: образовательная, рекреационная, выставочная
3	Открытость креативного пространства/кластера	-открытый/затрудненный/закрытый доступ на территорию креативного пространства/кластера любых желающих;	2	Открытый доступ на территорию
		- степень представленности информации о пространстве/кластере в интернет пространстве и наличие механизма обратной связи.		Есть сайт и группа в социальной сети ВКонтакте
4	Экологичность креативного пространства/кластера	- степень влияния пространства на окружающую среду: позитивное/нейтральное/негативное	1	Пространство включает в себя парк, но не делает акцента на экологической повестке.
		- степень гармоничности вписывания креативного пространства/кластера в городской ландшафт.		Гармоничность вписывания в окружающую среду: средняя.
5	Функциональная наполненность креативного пространства/кластера	- Монофункциональное пространство/кластер	1	Данное общественное пространство включает в себя разные виды деятельности: лекторий,

				школа, производство товаров, издание книг, выставки, фестивали и т.п.
6	Степень интерактивности креативного пространства/кластера	- средняя степень вовлеченности горожан в креативные активности локации;	1	Средняя степень вовлеченности в связи с тем, что многие мероприятия пространства включают в себя образовательные лекции, а не мастер-классы. Также проводятся другие мероприятия, которые не подразумевают взаимодействия с участником.
7	Масштаб и востребованность креативного пространства/кластера	- общий метраж рабочих помещений пространства/кластера;	1	120 000 кв. м
		- количество резидентов пространства;		Нет данных
		- количество посетителей пространства (месяц/год);		Нет данных
		- количество пользователей, посетивших интернет-ресурсы пространства/кластера, количество подписчиков в социальных сетях.		5 984 подписчика группы в социальной сети ВКонтakte (по состоянию на 12.05.2023)
8	Зрелость креативного пространства/кластера	- возраст креативного пространства/кластера;	1	10 лет (открыт в 2013 году)
		- узнаваемость бренда креативного пространства/кластера.		Низкая
9	Целевая аудитория креативного пространства	- многоцелевая;	2	Пространство рассчитано на широкую целевую аудиторию
10	Наличие/отсутствие стратегии развития креативного пространства	- отсутствие стратегии.	0	Стратегии развития нет
ИТОГО:			11	